

СМЕНА

1961

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания тридцать восьмой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

МЮНД
1968

Они встретились в Целинограде, руководитель Советского государства и простая десятиклассница Новокубанской средней школы. Обращаясь к Н. С. Хрущеву, Юлия Долженко сказала, что она после окончания школы вместе со своими одноклассниками пойдет работать в колхоз. Слова девушки порадовали Никита Сергеевича, ему очень понравилось ее выступление на совещании передовиков сельского хозяйства Целинского края. Еще бы! Ведь Юлия выбрала самый правильный путь в жизни.

Юлия Долженко уже приняла свое первое в жизни серьезное решение. Ну, а ты, ее сверстник — восемнадцатилетний гражданин Страны Советов, только что получивший аттестат зрелости, — какое решение примешь ты?

Позади десять школьных лет. Многое узнал ты за это время, и тебе, как и тысячам твоих сверстников, сегодня волнует один вопрос: «А что дальше?» До сих пор все было ясно, дорога одна — из класса в класс, к заветному аттестату зрелости. Теперь ты получил этот аттестат, и великое множество жизненных дорог открылось перед тобой. Тебя ожидает масса очень трудных и очень интересных дел. Ты еще, быть может, не знаешь самой большой человеческой радости — радости труда, творчества.

Давай же пройдем с тобою по дорогам нашей Родины и посмотрим, как живут вчерашние десятиклассники, а ныне трудовые люди, послушаем, что думают о выборе жизненного пути те, кто старше тебя. Итак, в путь!

ОБРАЗОВАНИЕ — 10

КЛАССОВ. СПЕЦИАЛЬНОСТЬ-РАБОЧИЙ

Самый правильный путь

Ег. ДОЛМАТОВСКИЙ

Наконец-то, дорогие друзья, завершается первый серийный этап вашей жизни. И, быть может, с остройкой, какой эта короткая жизнь еще не знала, встает перед вами сложный и трудный вопрос о выборе, пути, о профессии, о направлении...

Встречи вам необходимо принять решение, от которого в дальнейшем будет зависеть очень многое, необходимо придать своим мечтам верное и реальное направление.

Мечты целого поколения Да,

да, именно поколением. Я не огорчусь. Я намеренно назвал де-

сятиклассников поколением. Ведь

в нашей стране выпускники ежегодно становятся свидетелями

аннульсации этого определения,

оградком, что иначе, как поколением, их, пожалуй,

и не назовешь. Сегодня ты, твой

сверстники должны решить: каким

путем идти дальше по жизни?

Для моего поколения, заканчивавшего школы и техникумы в

годы первых пятилеток, мечты были

днище ДнепроГЭС и Магнитка, Ком-

сомольской культуры и Курской. И по праву, человек, пришедший на

студенческую скамью вечернего вуза из шахты Метростроя,

я хочу поздравить сегодня тех

выпускников, которые приняли ре-

шение пойти по школы на за-

воды и стройки, в колхозы и сов-

хозы. Я приветствую тех, кто завтра напишет в анкете: образова-

ние — 10 классов, специальность —

рабочий.

Я знаю, найдутся молодые лю-
ди, готовые вступить со мною в

спор. Мне уже приходилось слышать их доводы. И самый обычный и несправедливый — утверждение, что время энтузиастов безвозвратно прошло. Теперь, мол, нынешние времена, более рациональные. Старшие поколения ведь для того и отказывали себе во многом, чтобы нам жилось легче и бывше.

Легче да и беззаботней?

Нет, ни в коем случае! И не потому, что для воспитания характера надо создавать искусственные трудности, а потому, что высшим

существом человека сделал ТРУД, владыка мира — ТРУД.

Мне приходилось сталкиваться и беседовать со многими молодыми рабочими, имеющими среднее образование. Газеты и журналы вспоминают, что вспоминают, что вспоминают, люди не были у них обра-
щены, типичные черты. Это прежде всего высокое и гордое чувство собственного достоинства. Студенты могут обиженно возразить: а у нас его нет, что ли? Я не хочу противопоставлять друг другу разные школы нашей молодежи. Это было бы несправедливо и не лепо. И все же ощущение того, что я свободен, что я могу свободно, независимо, выковано, воспахано — это ощущение ни с чем не сравнимо! Рабочая гордость оставляет отпечаток на всю жизнь, как бы там ни сложилась твоя даль-
нейшая дорога.

Нельзя забывать и еще об од-
ном очень важном и характерном для наших дней обстоятельстве. В Советской стране изменилось, приобрело новое, небывалое со-
держание само понятие «рабочий». Но случайно из лексикона нашей великой струйки исчезло, совсем не случайно, «чернорабочий». Человек, приходящий на производство, в короткий срок приоб-
ретает квалификацию.

Но дело не только в этом. Когда в производство входит новые могучие и сложные достижения современной техники, малообразованному человеку все труднее становится работать. Ведь не просто так, не ради прихоти настойчиво учатся в вечерних школах и заочных техникумах те, кому не удалось раньше получить образование. Оно является естественным и необходимым для работы.

Однако и другое. Могу ли сказать, например, отличным инженером, руководителем производством, когда лица теоретически знаешь, чем занимаются твои подчиненные? Конечно, нет. Тогда гене-
ральским звездам лежит через солдатских погон — это не только военное, но и жизненное пра-
вило.

Перемены, происходящие и каждодневно происходящие в на-
шей сельской хозяйственной насто-
ятельно требуют, чтобы и здесь трудились образованные люди. В тридцатых годах, учась в педагоги-
ческом техникуме, я участвовал в работе лицея. Что такое лицеи, уже сейчас не всем знают, и недалеко то время, когда для объяс-
нения этого словаобразования придется копаться в словарях. Нам приходилось обучать грамоте кре-
стьян, так как даже в каких-нибудь селах не было школ. И в тридцатых годах наше население оказалось почти поголовно неграмотным. Как дадеки те времена! Подчас не ве-
рится, что столь громадные изме-
нения в жизни и образовании на-
рода могли произойти на своих глазах. Ведь я помню, как трактор был в диковину! А ныне колхоз-
ник со средним образованием — явление обычное.

Вот уже три года работает в бухарском колхозе Анил Муминов, окончивший школу с золотой медалью. Он стал знатным курукузоводом, и по всем стране идет о нем слава. Такие люди — гор-
дость нашей молодежи.

Случай этот не исключительный, а типичный для шестидесятых годов.

На строительстве Нарвской ГРЭС трудится бригада электриков, состоящая целиком из выпускников средней школы. Эта бригада опередила все другие по производительности труда.

У всех на устах сейчас имя первого космонавта Юрия Гагарина. Всем известна эта первая рабочая ля-
зовая. Ведь прежде чем в глазах Юрия отразился отблеск далеких звезд, они узнали блеск звезд и сияние распыляющейся стани.

В юности чрезвычайно важно не упустить время: упустишь — не на-
лонишь, а жалеть о потерянном будешь всю жизнь. Уже сейчас становятся очевидными, что сочетание труда и учения — наиболее правильный путь, дающий самые широкие возможности для развития личности. И это несмотря на то, что там многое в нашем народе. Это путь к совершенству, к подъемам и, я не боюсь произнести этого высокого слова, к коммунизму.

А дорога солнечная, радостная зовет нас вперед.

...Многое дорог в мире. Тебе сейчас выби-
рать одну-единственную, на всю жизнь. Не ошибись! За порогом школы тебе ждет экза-
мен на трудовую зрелость. Ты выдержишь его с честью, как Вадим Боярчук, рабочий-строитель Прибалтийской ГРЭС, рассказ которого, запи-
санного нашим специальным корреспондентом Ан. Ромовым, публикуется на следующей стра-
нице.

НИНИКА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ
БЕСЕДУЕТ С ЮЛИЕЙ ДОЛЖЕНОЙ,
ФОТОГРАФ ОБ ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ
ЧИТАЙТЕ НА 3-й СТРАНЦЕ.

Фото А. СТУЖИНА (ТАСС).

У меня было так...

Рассказывает Вадим Боярчук

огда я впервые подумал о будущем! Может быть, после седьмого класса, когда я все лето мечтал сидеть дома и не ходить в школу, чтобы погнать в военное училище!

А может быть, в девятом, когда бросил музыкальную школу? Или это было гораздо позже, в позапрошлом году, — я стоял на потолочной конструкции первого турбинного зала, подо мной тридцать метров воздуха, и я думал, что если сделано еще хоть один шаг, то сорвусь...

Потом я понял, что буду учиться — одно и то же. А я, из того, на что я способен, думал часто. И слышал от других: Когда говорят: «У него большие способности...» «Онки способный мальчик», — это плохо. Это сбивает с толку. И бывает очень трудно решить, правда это или нет.

Первый раз я усыпал это в пятом классе. Тогда я начал ходить в музыкальную школу по классу барабанов. Я любил барабаны, я знал, что сейчас люблю. Но я люблю играть для себя. Не знаю, может быть, это эгоизм — любить играть для себя. Видимо, в первую очередь нужно играть для других, ведь о музыкантах обычно говорят «исполнители». Значит, я неполноценный музыкант. Зато я знаю, что мелодия совсем по-другому звучит, когда играешь, приложи к барабан. Сколько же можно вытащить из самого сердца барабана. Веди же, есть сердце, это каждый барабан знает.

Но, конечно, играл не только для себя. Я играл в школьной самодеятельности, в пионерлагере, дома.

А в девятом классе я бросил музыкальную школу. Все говорили, что зря. Говорили родители, говорили ребята, говорил Федор Семенович Федоров, директор музыкальной школы. Но еще ходил ко мне всякой, все узваривая, терпится. А мне кажется, нет. Ведь я не музыку бросил, а просто решил, что есть дела понтиескеские, которые бы профессиональным музыкантам.

В девятом увлекся радио. Накупил книг, схем, радиодеталей. Обзавелся электроплатынником, достал оловя, канюфиль. Я нутри из этого школу не бросил до того, как я увлекся радио.

Помнишь, поздние ночи, часа два или три, Дома все спят, а я сижу в углу, поземса на лампочку полотенца, чтобы свет не мешал другим. Я включал в сеть детекторный приемник — первый «валипрат», который я сделал своими руками. Представляете, скромные ружайки! Сначала это было просто жалкая кучка конденсаторов, сопротивлений, пружинок и сейсмобатарей из этой кучки привинчил заговорил. Правда сказать, я не веря, что я myself приемник заговорил. Я мог дождаться утра, но не вытерпел, включил ночью. И... ничего не вышло. Премиум начек «фонины» — заревел, загудел низким, хрюпливым,

дрожающим звуком, Разбудил всех. Мне досталось. Пришлось ждать утра. Но, засыпая, я знал: разговор — значит, будет говорить...

А на другое утро был круальный разговор с родителями. О том, что мне пора думать о будущем. О том, что уже сейчас я должен знать, на что употребить свои способности.

Мои способности... Например, я был чемпионом школы по строительству на четырех колесах и восьмиколесах, занимался велоспортом, лыжами, плаванием, стрельбой, автомобильным спортом. И по каждому из этих видов у меня осталась спортивный разряд.

А потом... Честно говоря, я не думал, что день, когда я получу аттестат зрелости, придется так неожиданно. Но прошли последние четверть десятого класса, и вот мой пятидесятый девятоый...

Выпускные экзамены. Перед физикой я был уверен, что буду с Борисом и Клодиумом пополнить всю семью, потому что я все боялся, что заснет на экзамене.

На литературе я вытаскал тридцатый билет и все-таки отвечал на четверть. Последний экзамен, выпускной баз... И вот мы с Борисом Клодиумом стоим на мосту. У нас в карманах аттестаты зрелости, мы взрослые птицы. Делай, что хочешь, учись, что хочешь...

Москвы не открылись, он через реку Нарву, широкую, медленную, с тягучей желто-зеленою водой. Этот мост делит город на две части. Одна часть называется Ивангород, другая — Нарва. Чудно, честное слово! Пока ты в Ивангороде — ты в Ленинградской области. Но стои передней черестью, и ты уже в Эстонии, в городе Нарве.

Слизищицы, Вадька, — говорит мне Борис, перебегая через чу-пунные перила, — давай махнем кудан-нибудь подальше. Ага!

Я знал, что Борису как облученный, потому что он ждет, что я скажу ему, что значит в военное училище связи и меня подбивает. Честно говоря, я давно ждал этого дня, для дня, когда я получу аттестат и смогу выбирать, куда пойти... Мне шестнадцать лет. Конечно, можно вместе с Борисом смыться за тридевять земель, к черту на кулички. В Сибирь, на Дальний восток, или кого там нутри. Но Чарльз Дарвин. Погулять там на «Славу» электриком и уйти бы китов. Электриком потому, что тогда уже я твердо знал, что буду работать только по электротехнике. Я знал это еще с девятого класса, когда впервые сам разобрался в электротехнике.

Можно подать документы в институт. Об этом я тоже думал. Но на институт документы я не подал. Все из-за того, что колебалась, что лучше учиться, и сразу же сидеть работать, сразу испытывать себя на кинаки-нибудь деле.

И вот сейчас я считаю, что не ошибся, когда пошел работать. Я вспоминаю все, что было с того дня, когда я получил аттестат.

Июль пятьдесят девятого... Впер-

вье на строительную площадку Нарвской ГЭС я пойду совершенно случайно. Еду из знакомых ребятами на попутном грузовике. Кузов грязный, вызывал известный, густо присыпанный бетонной пылью, песком. Мы стоим. Ребята говорят: «Ребята, вы не знаете, что у трусищейся кабины, «Энкунос» — очень смешная игра, и ребята хохотают. Один отворачивается, выстукивает за спину ладонь, а потом удивляет, кто его удариł. Мы проезжаем мимо леса, потом проскальзываляем на повороте серый забор, серые ворота с надписью «Прибалтийская-Комсомольская» (тогда я еще не знал, что это и есть Нарвская ГЭС), и, конечно, торжественно возле строительной площадки.

Вообще-то на Нарвскую ГЭС я спасли давно. Знал, что она строится у нас под Нарвой. Но сюда, на строительную площадку, я попал впервые.

Площадка... Я бы ее назвал площадь. И даже — площадище. Владеют огромным высоким каркасом основного здания. А перед ним и дальше — пространство, вырубки, где тут и там висят краны, краны, горы песка, щебня, колоды на пути, на которых стоят вагоны. И больше прозрачные сооружения, которые я тоже принял за каркасы. Только потом, ближе, я увидел, что это краны, и стоят они на рельсах.

Ну и зеленый я был тогда — даже самому сейчас смешно Ходил, как толк, глаза терялись. Подошел к основному зданию. Там стоял старик. Я долго смотрел на голубые вспышки, на искры, разлетающиеся во все стороны. Ярко, даже глазам больно. Подошли двое рабочих в брезентовой спецодежде. Один сказал:

— Ну что, пацан, смотришь? Интересно?

Не знаю,-ton ли у рабочего был такой или еще почему, но мне ужасно обидно стало. И даже из недр я вырывался. А из-за того, что я стоял и смотрел.

Давай-ка отсюда, малый, — добродушно сказал другой рабочий, видно, поняв, что я обиделся. — Тут сварка.

Я ушел. И только потом я понял, что рабочий был прав. Всю ночь и весь следующий день я мучался от боли, которая разрезала глаза: на сварке без очков не смотрят.

— И вот — август, грозовые, на котором и еду, снова тормозят на строительной площадке, я пришел. Я иду по страже, но я уже не парень: оден и отдуши кадров.

Когда подошла моя очередь, я сунул голову в оковашко. Девушка с кудряшками посмотрела на меня.

— Ну?

Я не понял и смущал. Потом я объяснил ей, что поступаю работать. Признаюсь, я немножко боился: ведь мне еще семнадцати нет, могут не взять.

Нет, смотрю, взяли. И второй раз у меня голос дрогнул, когда спросили, по какой специальности. Я сказал: «Учеником электромонтажника». Думаю, сейчас скажут: «Хватит». Все, вы хотите электромонтажника. Надо и честь знать.

Нет, смотрю, опять проносило. Засыпали, учеником электромонтажника. Сказали: «Будешь работать в бригаде Афонина». Ладно. Афонин так Афонин.

В моих руках новенький прос.

Да, на стройку берут совсем по-другому, чем, к примеру, в институт. Там сначала сдаешь экзамены, потом — вступление. Берут сразу. А экзамены — они потом начинутся. И ты должен бдеть, доказать, что ты имеешь право называться электриком, доказать своим руками, и не только руками, но и головой, Головой, пожалуй, в первую очередь.

«Люмно», я получил спецодежду. Я нарочно попросил на складе уже пошитую. Пришел я за час до смены и ходил у основного здания. В глубине души мне очень хотелось встремить это рабочее, что меня назван панацем. Но я его не встретил. И пошел в Каптереву.

В Каптереве собираются все ребята, которые первые смеются.

И на обеденный перерыв. Это

меланжевая коммутишка без окон, с полками вдоль стены. Посредине стол, вокруг — вместо лавок куки.

Здесь забывают «козлов», курят, если зима, тряпятся у электротрекчи.

Но больше всего мне понравилось, что на металлической двери каптерки прибита

таблица с черепом и скрещенными

маленькими костями. Высокие надписи: «Смены! Смены! Высокие смены!»

Попробуй сунуться, как мы

сказали, здесь, в каптерке, предполагается сделать трансформаторную, и только потом коммутику оттуда под склад.

Я сел в пустой каптерке и стал смотреть на доску — здесь стоит такая доска, как в школе, и на ней мелом формулы. Потом подошел парень, и я увидел, что каскета у него крепкая, глаза зеленые. Это и оказался Афонин.

Толя Афонин. Он здесь тоже пошел

после десятого класса, окончил школу в пятьдесят шестом. Познакомились. Подошли друг к другу — впервые за моего возраста или чуть постарше. Одна девушка, Лена Богат.

— Ну, пошли, — говорит Афонин.

Пошли. Дал он мне инструмент — кусачки, отвертку, пробки... и лампу. Мы пошли наружу, к самому зданию. Задели на траву, чтобы не мешать, чтобы мы не занимались. Одна из Толи. Толе, думаю, работала Застички. Афонин пошел еще выше, на потолочные балки. Я хотела за ним, а он мне:

— Стой, парень. Это не для тебя.

Я хотел возмутиться: как не для меня? Что он меня за сосунки принимает! И только к концу дня понял: он прав. Здесь впереди — и это было бы ты не делал, должен помнить, что ты — единственный, кто из нас

делает. Здесь не затащили бы, а работают. Умешь — делай. Не можешь — не лезь, будет время, на-

чишься.

Недели через три я все-таки полез на потолочные балки. Три шага прошел — и замер. Сердце скакало, ноги и руки к жезлу приклонились, я голову вверх задрал: винц страшно смотреть. Там, выше, тридцать метров. Так и застыл, как камень. Надо идти и назад, страшно. Потом минуту или две, пять чувствую опущение. Проспал страх. И все-таки решил судьбу не испытывать, вернулся.

Ребята в нашей бригаде хорошо подобрались, связи. Больше половины тоже, как я, из школы, девятиклассники. И все-таки никто

рым трудно было. Всё дело в схеме: они слишком сложные. Взять схему двусторонней проводки. Когда я пришел, в ней с трудом ребята разбирались, не могли освоить проводку. А я, как взял схему в руки, смотрю — все в норме. Сразу понял, что — все в норме.

Честно говоря, я страшно обрадовался, что сразу понял схему. Я тогда работал все на словах объяснял, а потом на доске в киптерке начерчивал схемы — так, чтобы каждый мог понять.

И вот схемы мне посыпали разряд. Я стал уже не учеником, а электриком третьего разряда. И с каждым днем мое это дело все больше нравилось. Мне нравилось работать на ГРЭС еще и потому, что она не просто Прибалтийская, а Прибалтийско-Комсомольская. Ударила комсомольская. А я с гордостью включил класса комсомольской.

Когда тогда, в пятьдесят девятом, комсомольцы нашей стройки сказали: «Сдадим ГРЭС на год раньше срока!» И нас подняли ребята на других стройках — Назаровской и Белозерской ГРЭС.

...Мы сидим перед сменой в киптерке — я, Паша Корсаков, Леня Люлин, Лена, Валерия Грязнов, Слава Уннат, самый младший из нас, худенький, застенчивый паренек. Четверо забывают «козлов», а мы со Славой ждем своей очреди.

Тут пришел наш бригадир. — Кончай «козлов», — говорит, — дело есть.

Существует на ГРЭС такой агрегат — групповой щит. На этом щите — все управление станцией. Так вот Феликс Григорьевич, наш старший прораб, предложил бригаде закончить монтаж арматуры дневного света у группового щита первоочередной на лесопильном киптерке раньше срока. Феликс Григорьевич сам к нам пришел.

Вот — и нам руки по голову, — зарез, ребята, горим. Не возьмется — все полетят, все скроются!

Стали мы всей бригадой решать. Взялись-то, конечно, можно. Но скромнее или нет, — сказать трудно.

Стали прикидывать. Сразу же ясно: придется переработывать.

— Решайтесь, — говорит Афонин, а сам встал. — По коному болевые, членам на два часа, смену нам никто не увеличит.

— Да брось ты, — сказал ему Паша.

— И потом, — добавил Грязнов, — тут не двумя часами пахнет.

Решились: возьмемся!

Тех дней, показалось, никто из нас не забудет. Сразу стало ясно: встать домой времени не хватит. Придется всем ночевать в киптерке. Соорудили из старых витников и досок «постель». Тогда Лена жила в городе, привозила еду. Стали по двадцать суток, оставляя время для монтажа. Сборка проводов в «плекты», монтаж арматуры, проводка, выверка схем. Контракт переворачивали, встали время для переворота или стоят работать, шли в аэровагон, сели, спи, так на заслужил, что ой-ой...

Потом стало еще труднее: видим, что к срокам не успеваем. Несколько раз уставали поплыть без сна.

Сидим мы как-то в киптерке. Курим. Молчим.

— Не-ет, ребята, — тянет Толя Афонин, — дальше так не пойдет.

— А что делать? — спрашиваем, — Думать надо.

Стали думать. И придумали. Честное слово, придумали.

Для того, чтобы ставить арматуру, надо всегда наружу, у потолка, работать. А знаете, что это значит — работать у потолка? Высота — тридцать метров. А потом там двойной. Между двумя потолками расстояние в один метр. А у меня руки короткие, как у пингвина. Приводить на верхнюю лестницу — в такую позицию вести проводку. Тогда наш «войинский совет» и решил: весь монтаж — сборку проводов в пакеты, подключение, сборку арматуру — вести внизу, на полу. Но бада в том, что пронеститься можно — снизу вверх, а потом поднимешь наружу, а размытыми соединениями. Решили: надо на верху все размеры до миллиметра замерить, чтобы все было точно.

На другой день начали применять свой метод. Монтаж чуть ли не автопоини быстрой пошел. Ура!

Первый групповой щит мы сдали точно в график, не подвели стройкой. И тот день, когда Феликс Григорьевич закрыл нам последнюю наряд и потом молча поклонился каждому руку, то день ребята запомнили на всю жизнь.

Прораб похвалил нам руки, и мы получили отпуск.

Наступил шестьдесят пятый год. Нет, я уже не думал: а не стала ли я дурка, кто не пошел в институт? Нет, здесь, на стройке, мне было очень хорошо. Работа интересная, нужная людям. Мне, да и ребятам, понятно стало, что значат слова «наши стройки», «наши участки».

Всобще, когда я начал работать, жить стало гораздо интереснее. Я продолжал ходить на стадион, занимался в секции самбо в секции «Марс». Мы ездили со сборной командой нашей ГРЭС за зимнюю спартакиаду в Талине. Потом я стал ходить на курсы шоферов. И музыку я не оставил. Только с боями своим я распределился. Купил себе аккордеон — настоящий, полный, с несложными регистрациями.

Но главное, я доказал и себе и всем, что я могу создавать собственными руками, на что я способен.

Бесконечные нити проводов и кабелей тянулись сверху вниз по всем залам станции. Их вели я и ребята нашей бригады. И это для меня главное.

Но порой я думал: может, меня одного сюда постолнили, а другие здесь просто так, лишь бы работать?

Существуют, конечно, профессии, в которых, как говорится, есть романтика. Конечно, думал я, если взять дальнее плавание — это романтика. Но вот пришел к нам в бригаду Леня Люлин, хороший парень. А потом я узнал, что пришел к нам Леня не откуда-нибудь, а с моря. Он окончил училище в Талине, стал штурманом дальнего плавания. Две года плавал на Балтике вторым помощником капитана. И я вспомнил: может быть, Леня просто испугался на море? А потом я понял: Леня не из таких. Да и у нас работа опасная — на большой высоте, с проводами, где напряжение в тысячи вольт! Просто Леня это дело больше по душе, по нраву, для него, значит, здесь тоже романтика.

Ну, а взял Афонина — ведь в нем же художник сидит! Он мог

пойти в художественный институт, а выбрал стройку. И каждому ясно, что, если бы ему снова предложили выбор, он бы снова сюда пришел.

В прошлом году многое изменилось в бригаде. Раньше мы никак не могли другим бригадам догнать, а теперь пошли с ними вровень, как выразился кто-то, «нондоэр в ноондроэр».

Теперь мы работали над групповым щитом второй очереди. И здесь намного раньше кончили работы.

И вот — шестьдесят первый год. Январь, февраль, март, апрель... Все эти месяцы мы имели впереди. Уже закончили работы в зданиях

третьей очереди, куда должны были прийти только через несколько месяцев.

В марте мы завезли переходящее здание стройки. А в апреле нашей бригаде присвоили звание коммунистической.

С этого года в Нарве будет открыт вечерний политический институт. Наши ребята — Толя, Леня, Генка — подали заявления. Я тоже подам. Ну и спорт, курсы шоферов, да и музыку бросать не решался он плохо.

Вот так для меня решился вопрос: ком быть? И мне хотелось бы посмотреть на человека, который попробовал бы сказать, что решился он плохо.

Правильно решил Вадим Боярчук, по-комсомольски! И так же, как он, поступают сейчас тысячи и тысячи его сверстников.

...Наш путь лежит в другую конец страны — в Целинный край. Мы встретимся с Юлей Долженко, выпускницей Новокубанской средней школы.

«Молодец, Юля!»

Ал. СКРЫПНИК

Мне вспоминается марсовское мятежное утро в Целинограде. Памятное утро для тех, кому довелось принимать участие в созидающих, ставших поистине историческими вехой в основании целины. Надолго памятное для всех, а для этой девочки — на всю жизнь, потому что жизнь ее только еще начинается! И начало этой жизни освещено добрым ульбкой...

Со всех концов огромного края собирались на совещание весь цвет покорителей целины. И в тесных коридорах и в фойе зала заседаний, то и дело слышались «А помнишь патладеш чеширский?» «А не забыла, как в пазлах?»

И я тоже вспомнился... Москва. Кремль. Девчата с Первого часового завода, крутоголовые парни с «Сергия и молота». На лицах и радость и сопродоточенное внимание. Они слушают напутственное слово Ниниты Сергеевны Хрушевой. Они еще пока не знают, что такое целина. И лицо им еще не тронуло жгучие ветры, и в руки еще не въелась солдатка...

А потом еще одна встреча — слет молодых целинников в Целинограде. Руки парней и девчат уже привыкли держать штурвал трактора и комбайна, лица обветренны, характер стал тверже. Они уже совершили подвиг: они подняли целину.

И вот опять я вижу их, взгляды — яркие, лица — яркие и одновременно неизуываемые. Целинники возмущали, они многое увидели и познали, многое сделали. Вон как сияет на груди награда — медаль «За освоение целины», маленький кусочек бронзы на зеленой мурованной ленте. А сколько за нее стоит — за этой медалью! Только Юли нет медали. На ее школьном переднике — комсомольский значок. Но Юля — тоже

целинник. И не только потому, что она родилась здесь, на целине.

Размечтавшиеся школьники о будущем: ребята — о космосе, о дальнних походах с геологическим молотком в руках, девчата — о медпунктите, кто о медицинском... Гали Худакова, Юлия подружка, сказала так:

— А я хочу доктором. Да такой, чтобы весь район обо мне говорил.

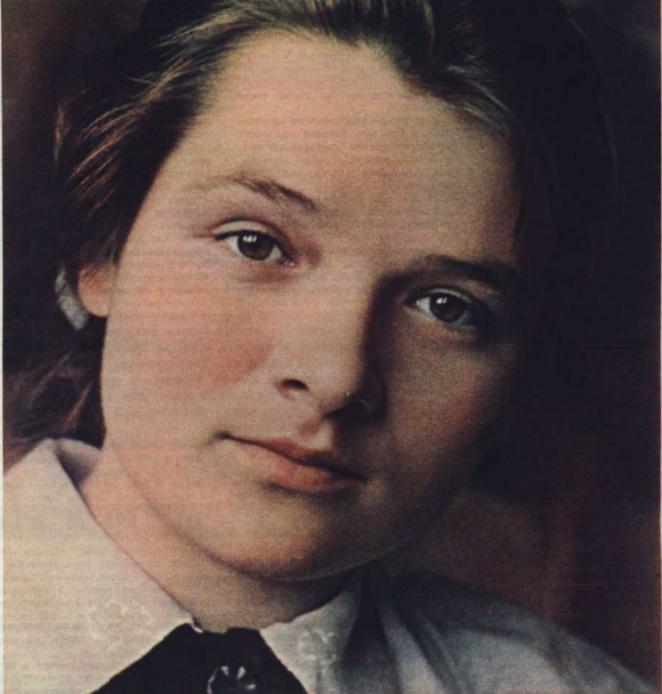
Юля слушала и молчала. Разговоры на перегородках: предстояло писать сопричесение «Мое место в жизни». Юля молчала и думала. Все хотели в институт, в космос, геологами, а она? Она тоже, как Гали. Только не на ферму, а в поле. И не для того, чтобы весь район о ней говорил, а потому, что в поле не хватает рабочих рук.

Пришла весна: в школе создали ученическую бригаду. Пославши кружки на пятидесяти гектарах, девчата шесть будущих космонавтов, геологов и врачей научились управлять машинами.

Тот, кто работал в школьные годы в поле, знает, что все делается легко, дружно, весело, как игра. А для Юли земля и труд на земле были очень серьезным делом, самого жизнью. И потому ребята только смущенно затягивали плачески, когда вспоминали бригаду, отчаявшись за бригаду, потому что с каждого трактора получали по 300 центнеров зеленой массы.

Об этом и рассказала в своем выступлении на совещании передвижников сельского хозяйства Целинского края Юля Долженко, десятиклассница Новокубанской средней школы, Шортандинского района: о бригаде, о кружу, о своих товарищах, управлявших тракторами. И Нинита Сергеевна, внимательно слушавшая Юлю, склонила «Молодцы!»

ФОТО Н. ВАСИЛЬЕВА.

Итак, в анкете Вадима Боярчука и Юлии Долженко, так же как и у сотен тысяч их сверстников, появились слова: образование — 10 классов, специальность — рабочий.

Но что же это — конец пути? Нет! Советское государство создало тебе и твоим товарищам все условия для совмещения труда с учебой в вузах. Канье!

На этот вопрос отвечает заведующий отделом ВЦСПС В. А. Сиснев.

Есть все возможности

Среди молодые люди, получившие аттестат зрелости, бывают обесппеченные возможностью самим совмещать работу с занятиями в вечерним или заочном институте, техникуме. Я думаю, что причиной тому не только нерешительность, но и недостаточная юридическая осведомленность.

В самом деле, если ознакомиться с постановлениями нашего правительства, то легко убедиться в том, что советский закон на стороне тех, кто работает и учится. Существует Постановление Совета Министров СССР от 2 июля 1959 года «О льготах для студентов, вечерних и заочных курсов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений». В конечном счете эти льготы сводятся к тому, чтобы ра-

бочий, желающий получить высшее образование без отрывов от производства, имел право на дополнительные возможности.

Постановление правительства обязывает руководителей предприятий предоставлять студентам вечерних и заочных вузов и специальных средних учебных заведений дополнительные отпуска с сохранением зарплатной платы.

На двадцатидневный отпуск в период выполнения лабораторных работ, сдач зачетов и экзаменов имеют право все студенты 1-го и 2-го курсов вечерних вузов. Студенты заочников получают для этой цели тридцатидневный отпуск, учащиеся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений — 10 дней и заочных средних специальных учебных заведений — 30 дней.

Начиная с 3-го курса студенты

вечерних вузов имеют право на дополнительный отпуск в 30 дней, а студенты-заочники — 40 дней, учащиеся вечерних средних специальных учебных заведений — 20 дней.

К этому надо добавить, что на период сдачи государственных экзаменов все студенты и учащиеся средних специальных учебных заведений освобождаются от работы на тридцать дней. Для студентов и заочников дипломного проекта все стажанты вечерних и заочных вузов получают отпуск на 4 месяца, а учащиеся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений — на 2 месяца. На все это время сохраняется зарплатная плата из расчета среднемесячной.

Кроме того, следует добавить, что на период 10 месяцев перед началом выполнения дипломного проекта или сдачи государственных экзаменов все студенты заочных и вечерних вузов, а также учащиеся средних специальных учебных заведений имеют каждую неделю одиннадцатидневный отпуск. Постановление правительства разрешает, кроме того, руководителям предприятий предоставить в этот период дополнительную, по желанию студента, еще

один-два свободных от работы дня в неделю за свой счет. На этих же основаниях руководители предприятий могут, по рекомендации учебных заведений, представить обучающимся на последних курсах дополнительный месячный отпуск для сбора, подготовки материалов к дипломному проекту.

Где, друзья, в какой капиталистической стране возможна такая забота о молодом поколении, о рабочем человеке?

Коммунистическая партия и Советское правительство придают исключительно важное значение развитию народного образования, повышению культурно-технического уровня трудящихся, видя в этом огромное средство подготовки людей коммунистического общества. Нашему времени нужны рабочие нового типа — люди образованного труда, высококвалифицированные рабочие. Наше государство и советский закон предоставляют вам все возможности, чтобы стать именно такими людьми. Вам предстоит строить коммунизм, и вам суждено жить в коммунизме. Поэтому начальство большого большого жизненного пути должно быть достойным этой великой цели.

ИНТЕРВЬЮ «СМЕНЫ»

ВЫБОР ПУТИ

Валентина ЗАЩЕВА,

сварщица, автозавода имени Лихачева

«Кем быть?» — кажется, еще совсем недавно я задавала себе этот вопрос. Ребята говорили о целине и я решила: пойду в институт. Тогда я знала, что это Воронежское сельскохозяйственное училище имени Баумана или в финансовый.

Но я так и не выбрала. В газетах в то время печатали портреты десятиклассников, пришедших на производство. И я пошла на автозавод имени Лихачева. Сейчас работаю в бригаде коммунальных услуг на заводе имени Лихачева в отделении Московского автомобилестроительного института. Я уже не колебалась в выборе. Я поступила в этот вуз, ибо твердо знала, что хочу быть автомобилестроителем.

Я НЕ РАСКАИВАЮСЬ

Виктор ДИАНОВ,

инженер-конструктор

автозавода имени Лихачева

Профессии выбираю по-разному. Многие из этих выборов делаютться лишь на стремлении во что бы то ни стало попасть в институт, лишь бы пристроиться. И пристраиваются. Вчерашии десятиклассники становятся студентами, потом инженерами, чтобы показать, что индивидуальность ему вовсе не по душе. Но делать этого нечего, и парень заканчивает институт, получив специальность «автомобилист». Он становится «специалистом». Однако он не ликуют своей профессией. У него нет ни замыслов, ни дерзаний. А этого случится, если человек хорошо подумает, прежде чем определить свою жизненную путь.

Решив идти на завод, я знал, что обязательно надо учиться. Поэтому я поступил в земельную школу, а затем в десятиклассниками полученных как знания, так как знания, полученных в десятилетие, не хватало. И я поступила на вакантное место в отделение Московского автомобилестроительного института.

В этом году я защищала свой дипломный проект. Тема связана с проблемами наладки цеха, тема заинтересовала настолько, что мне особенно интересно. И я ничуть не раскаиваюсь в выборе профессии и в том пути, который иду.

ТАК ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЙ

Алексей МУРЫШЕВ,

выпускник 494-й школы Москвы

После 12 апреля некоторые мои одноклассники решили поступать в авиационное училище. Когда я слышала эти слова, я с удивлением смотрела на них. Авиация — это же самое, что я хотела. Но я просто влюбилась в его огромные цеха, поточные линии, широкие проспекты и площади. Это же было круто! И я хотела и потому ту особенную гордость за свое предприятие, за свою землю, которая звучала в рассказах старших братьев. Еще я хотела на уроке машиноведения на производственном практике, на заводе автомобилестроительный. Вместе с другими ребятами собирали микролитражный лимузин. Я обязательно буду автомобилестроителем! А институт от меня никому не уйдет. Я буду, обязательно буду учиться.

Я знаю этот завод с детства по рассказам своих старших братьев, покорявших на нем все они горы. А когда я сама пошла на Энтузиастку, просто влюбился в его огромные цеха, поточные

линии, широкие проспекты и площади. Это же было круто!

И я хотела и потому ту особенную гордость за свое предприятие, за свою землю,

которая звучала в рассказах старших братьев.

Еще я хотела на уроке машиноведения на производственной практике, на заводе автомобилестроительный. Вместе с другими ребятами собирали микролитражный лимузин. Я обязательно буду автомобилестроителем! А институт от меня никому не уйдет. Я буду, обязательно буду учиться.

ЭТО ВЧЕРАШНИЙ ДЕСЯТИКЛАССНИК ВИКТОР КАРЯКИН СЕГОДНЯ ОН РАБОТАЕТ ЗАПРОДОМСКОМ ЗАВОДОМ МАШИНОСТРОЕНИЯ, ВЛЮЧАЮЩИМ ВИДУЩИЙ ВЪЕЗД В МОСКОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ АГРЕГАТ. И ОН УСПЕШНО ОВЛАДЕЛ ИСКУССТВОМ СВАРКИ СТАЛИ, ОДНАКОЖДА ИЗ ПУСТЫХ АВТОМОБИЛЕЙ ЗАВОДА НЕДАВНО ТОВАРИЩИ ИЗБРАЛИ ВИКТОРА КАРЯКИНА ЧЛЕНОМ ТОВАРИЩЕСТВА МОЛОДЫХ ТЕХНИКОВ ЗАВОДА. Фото Н. НЕПОМНЯЩЕГО.

ЭТО ВЧЕРАШНИЙ ДЕСЯТИКЛАССНИК ВИКТОР КАРЯКИН СЕГОДНЯ ОН РАБОТАЕТ ЗАПРОДОМСКОМ ЗАВОДОМ МАШИНОСТРОЕНИЯ, ВЛЮЧАЮЩИМ ВИДУЩИЙ ВЪЕЗД В МОСКОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ АГРЕГАТ. И ОН УСПЕШНО ОВЛАДЕЛ ИСКУССТВОМ СВАРКИ СТАЛИ, ОДНАКОЖДА ИЗ ПУСТЫХ АВТОМОБИЛЕЙ ЗАВОДА НЕДАВНО ТОВАРИЩИ ИЗБРАЛИ ВИКТОРА КАРЯКИНА ЧЛЕНОМ ТОВАРИЩЕСТВА МОЛОДЫХ ТЕХНИКОВ ЗАВОДА. Фото Н. НЕПОМНЯЩЕГО.

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ... ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ДОРОГА, КОТОРУЮ ТЕБЕ ВЫБИРАТЬ СЕГОДНЯ, ДОЛЖНА БЫТЬ ЯСНОЙ И ПРЯМОЙ.

ВЛАДИМИР ИЛЬИН ЛЕНИН ГОВОРИЛ, ЧТО ТОЛЬКО В ТРУДЕ ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНAMI МОЖНО СТАТЬ НАСТОЯЩИМ КОММУНИСТОМ, ВОТ ПОЧЕМУ ВЫБОР ДОРОГИ НЕ ТОЛЬКО ТВОЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО — ЭТО ВОЛНУЕТ СЕЙЧАС ВСЮ СТРАНУ, ВЕДЬ ТЕБЕ И ТВОИМ СВЕРСТНИКАМ СУЖДЕНО ПРИНЯТЬ ИЗ РУК ОТЦОВ И СТАРШИХ ТОВАРИЩЕЙ ЭСТАФЕТУ КОММУНИЗМА, ПРОГРАММУ ПОСТРОЕНИЯ КОТОРОГО ПРИМЕТ XXII СЪЕЗД КПСС.

МЫ РАССТАЕМСЯ СЕЙЧАС С ТОБОЙ, НО УВЕРЕНЫ, ЧТО СКОРО, ОЧЕНЬ СКОРО ВСТРЕТИМСЯ ОПЯТЬ, ГДЕ ПРОИЗОЙДЕТ ЭТА ВСТРЕЧА! МОЖЕТ БЫТЬ, НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ АБАКАН — ТАИШЕТ, ИЛИ В ЦЕЛИННОМ СОВХОЗЕ, У ПОТОЧНОЙ ЛИНИИ АВТОЗАВОДА, ИЛИ НА ЗАПАДНОСИБИРСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМБИНАТЕ, — ТРУДНО СКАЗАТЬ, НО ОНА ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОИЗОЙДЕТ. И МЫ ВЕРИМ, ЧТО ВСТРЕТИМ ТЕБЯ НЕПРЕМЕННО ТАМ, НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ БОРЬБЫ ЗА СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ, ЗА КОММУНИЗМ.

Всемирный форум молодежи. Эти слова, написанные на языках многих народов мира, все чаще читаются на конвертах работники Московского почтамта. Писем с таким адресом много. Проделав немалый путь по суше, по морю и воздушу, они приходят в Москву, где по инициативе советской молодежи 25 июля откроется свободная дискуссия по проблемам волнующим молодых людей середины XX века.

Письма рассказывают о том, что многие юноши и девушки разных взглядов и убеждений, представители молодежных организаций уже более чем 90 стран хотят участвовать в Форуме. Всего будет 700 делегатов. Этой цифрой решили ограничиться члены Постоянного секретариата Форума, которым молодежка различных стран доверила организацию предстоящей встречи.

Идея Форума вызывает отклик повсюду. У молодежи далекого Цейлона она получается не меньшей популярностью, чем идея всесмежных фестивалей. Пожалуй, даже большей, полагает представитель Всецейлонской федерации коммунистических и прогрессивных лиг Серватчандра Муттевагама. «Фестивали», — пишет он, — мы считаем скорее праздниками, а Форум — это

международное собрание, где будет происходить самое серьезное обсуждение наиболее важных проблем современности, где молодежь сможет обмениваться мнениями и лучше понять друг друга.

Сейчас на Цейлоне ведется подготовка к Форуму. «Мы начали с того», — сообщил С. Муттевагама, — что решили обсудить темы предстоящих дискуссий в всех местных организациях нашей страны. Молодые цейлонцы выражаются за то, чтобы расширить Москву темы, занимаясь которыми, как отношение молодежи к вопросам культуры и экономики, развитию международных связей и, конечно, в первую очередь к проблемам мира и войны, разоружения и мирного сосуществования. Эти проблемы волнуют сейчас всех.

А из Ботсвани через Атлантический океан в Москву пришло письмо от студенческой секции Национального движения архитекторов Колумбии. Члены этой секции просят Постоянный секретариат Форума поставить на обсуждение вопрос о недостатке и высоком стоянии архитектурных норм в Африке. Саванс уже готовят доклад на эту тему, волнующую очень многих на зоопланктонном континенте, где жители городов, простые труженики, нередко выходят на демонстрации под лозунгом «Требуем жизни и воды».

МОЛОДОСТЬ МИРА ЖДЕТ ФОРУМ

Леонид ЛУГАНОВ

ДЕЛЛТИ ПИСЕМ В РАЗНОЦВЕТНЫХ КОНВЕРТАХ С МАРКАМИ ДАЛЕКИХ СТРАН КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРИКОЛЫВАЮТ ПОСТОЯННЫЙ СЕКРЕТАРИАТ, ОТ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШКАМИ, СОСЛАВШИМИСЯ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ СОЗВАТЬ ФОРУМ.

В Москве, в доме № 11 по Новокузнецкой улице, куда стягаются все эти письма, вскоре могли бы возразить буржуазным деятелям, обзывающим современную молодежь «потерянным поколением», поколением, которому-де наплевать на все, что происходит в мире. Нет, эти письма белых, желтых, черных юношей и девушек показывают, что молодость мира хочет внести свой вклад в борьбу против колониализма, за национальную независимость, за ликвидацию отсталости во всем углу земного шара. Молодежь хочет сделать поисковый вклад в обеспечение мира, мирного сосуществования, разоружения.

— Всемирный форум молодежи — это наш форум, наша трибуна, где проблемы нашего поколения будут обсуждаться в свете специфических условий каждого континента, каждой страны, — заявляет генеральный секретарь Союза демократической молодежи Нигера Арадди Дуда.

Национальный союз студентов Камеруна хочет откровенно обсудить и изложить на Форуме свою точку зрения по антиколониальным проблемам, в своем понимании в какой мере можно тщаться плечом к плечу, чтобы обеспечить будущее.

Демократическая организация молодежи острова Рейондо прямо пишет, что хочет обсудить на Форуме вопрос об участии молодежи в борьбе против колониализма, за национальную независимость.

«Мы думаем», — пишут в Москве руководители организации «Народная молодежь Мексики», — что Форум, как трибуна для самого широкого обмена мнениями между молодежью независимой от ее идеологических и религиозных взглядов, позволит объединить усилия многих организаций, многих юношей и девушек, не разбродающихся до конца существенных положений, в борьбе за построение лучшего мира, в котором мир станет действительноностью и никогда исчезнет эксплуатация человека».

Популярность Форума так велика, что открыто приветствуется ему пока никде не решаются.

Однако в последнее время в некоторых странах Западной Европы и Америки печально и устроенно распространяется разного рода небылицы о Форуме, делаются всяческие попытки отвлечь молодежь от участия в нем.

Многие искренне хотят разобраться в сущности Форума, но в этом им было легко даже в таких развитых капиталистических странах, как США, где, и скажем, еще очень мало правды можно узнать о Советском Союзе, о его молодежи. Так, Денизелл Д. О'Дэр из Вашингтона, занимавшийся поисками Форумом, идей которого выдвинуты в СССР, безуспешно пытались связаться в своей стране с людьми, которые хорошо знают об этом событии. «Теперь», — пишет он в Москву, — я обращаюсь к вам с просьбой прислать полную и подробную информацию о Форуме». Быть может этот американец захочет и сам приехать в Москву, чтобы принять в нем участия.

Даг Ведждал, лидер клуба социал-демократической молодежи Швеции, очень хочет приехать на Форум, ибо, — пишет он, — я приеду, если у меня хватит денег. Это письмо прислано молодым гражданином государства, которое на Западе рекламируют как страну, достигшую самого высокого уровня жизни.

Много надежд связывает с Форумом и житель Бельгии — другой богатой европейской страны. Он пишет: «Мы хотим, чтобы газета завела Жан Пьер Оливье. От имени Национального бюро союза белгийских студентов-коммунистов он назвал предстоящий Форум «поворотным моментом в истории молодежи середины XX века». «Мы считаем», — пишет Оливье, — очень важным и полезным, что проблемы молодежи всего мира будут обсуждаться самими ее представителями, которые соберутся в Москву для сопоставления точек зрения в духе мирного сосуществования».

Рисунки В. МИХАИЛОВА.

КАПИТАН

РАССКАЗ

Cудо зацепило носом волну, и Шатилин едва успел увернуться от хлестнувшего по рубке мгновенного тяжелого дождя. Если бы в рубке не было капитана, Шатилин, конечно, поднял бы стекло и спокойно покуривал бы под его защитой. Но капитан был здесь, за спиной. Поэтому не осталось ничего другого, как наклониться и смыть с лица мичманскую кепку, которую рука в рубке потянула.

В сию минуту будь тутой и холмадий ветер. Небо и море уже потемнели от впереди, придавленных тяжелыми сине-фиолетовыми тучами, еще тагла узкая, как лезвие ножа, багровая полоска.

Всего месяц, как они вышли из порта, всегда с откапанным стулом, пропустили спичку рулем, воруя Коле Байону, который давно уже с синтетиком за плечами, сидел на сундуке из ног, опасливо глядя в сторону капитана.

— Сотошь скоро будем спать, Петрович? — вполголоса спросил Коля, не отрывая глаз от картины коммисса.

Шатилин молча пожал плечами, всем своим видом показывая: наше, моя, дело маленькое, когда прикажут, тогда и будем спать... У него, правда, были какие-то свои соображения по этому счету, но он помнил, что капитан — это капитан, а третий помощник — всего лишь третий помощник, и поэтому большей частью оставлял их на себе.

Капитана не любили.

Конечно, любовь к капитану — чувство совсем не обозримое на страницах романов о трудах, но на капитане СРТ-3925 Новикова не было и намека на любовь, не могли все же аводить четыре человека, сведенные вместе судьбой и отдаленные кадров. И капитан это знал.

Причин для недобоя было много. Матросы не прошли ими напрасными алармы, когда в последнюю минуту капитан спасался, смытый сеть и снова давал «полный вперед», а всем приходилось мерзнуть на палубе в мокром и исклюющей рею. Ещё раз несколько раз за день высыпалась непрятливая нитотия по поводу окружка в салоне или плохо якобы запущенных чехлов на шлюпках. Механики утверждали, что капитан черт, а не человек, машину при швартовках выбирал сетью. Штурманы... Да и говорят о штурманской привычке — чуть ли не каждые полчаса смыть ванну в перегородную трубку: «Штурман, где мы?» и «Штурман, как температура воды?». И хотя бы по имени обращались и вообще говорили с кем-нибудь по-человечески, «за жизнь», что называется...

Шатилин вспомнил, как однажды ночью кто-то затащил бумагу смисток перегородной трубки, и капитан минуту десять дул без всякого результата, а потом поднялся в рубку бледный от ярости, с дрожащими пальцами...

Но, конечно, главное заключалось в другом: не было рымбы! А такого капитану не мог пропустить никто.

В то время как остальные суда отряда уже собирались идти к плавбазам со вторым грузом, трюмы СРТ-3925 все еще были почти пустымы. После сегодняшнего, неудачного, дрейфа с севера к югу, рабочеместро на пустом палубе угромно забодавшись, четыре одинаковых бочки с солями,brigadiр Semerenko пакнула себе под ноги и, как бы не замечая стоящего у окна рубки капитана, громко заявила:

— Разве это работа? Только воду зря цедим... С таким кисом курить придется бросать, а то за сигареты нечем рассчитаться будет! Рыбу-то искать надо уметь... Это не военно — мешаешь драить да в кильватер ходить!

Все знали, что Новиков совсем недавно снял погоны капитан-лейтенанта.

Шатилин видел, как капитан отступила от окна и, не говоря ни слова, вынес из рубки. Всю середину дня он проводил в кабине.

«Сейчас капитан вернется к экипажу и временно отстанет», — подумал Шатилин, как предсказателем диапазонов. Потом зазвенел удашащий транспортёр и Шатилин услышал недовольный капитанский голос:

— Штурман!

Поднимут Коле, Шатилин слез с откапанного стула и из рублевой рубки шагнул в крохотную, смахивающую на стени шафту штурманскую.

— Где у вас прокладка? Это не прокладка! Когда последнее определение было? Почему время поворота не записано? Первая штурманская заповедь: внимание в квадрате, самоконтроль в кубе! Сколько раз я вам повторял! И вообще, кончиши в рубке...

Слушая скрипучий и резкий голос капитана, Шатилин с неодобрением смотрел на его штольянскую форму с болванским козырьком, новелльную фуфырь и толстым витым широким вместо ремешка. «На заках ши...» Высыпало раздряжение и аккуратно подстраженные усы, и черный форменный галстук, и тужурка с золотым бантиком на рукахах, «й море — словно на банкете». Пижон! Сам Шатилин отпускал бороду, которая почему-то росла в основном из под подбородка, и носка, как все, синтир и ватники...

— Нет, что тебе не военка... — с удовольствием повторил он про себя.

В двадцать семь лет — капитаны... Всего на два года старше его, Шатилина. Но Шатилин пронес в жизни гораздо больше испытаний и в Северном — на Волге-банке, и у Ильинки, засыпавшей поисковым судне дядек за Янтарь. И разве было так, чтобы он не знал, что делать в том или ином случае?

Правда, в начале рейса произошло нечто, о чем Шатилин до сих пор не мог вспомнить без острого стыда. Определяясь по крейс-пеленту в Скагерраке, он, как школьники, ошибся в подсчете времени, получив свое место много дальше от берега, чем на самом деле, и, не додлив кипятка, подправил курс... Капитан появился в рубке в тот момент, когда Шатилин в холмадий потушился за машинный телеграф: слова и спрашивая в рассеянной тумане вполне уже можно было разгадать влагалищие на камнях прибой, а впереди прорубились на низкой волне.

Скандировано чирко на борту капитан с четверть часа шел обратным курсом, а потом устроил Шатилину такой разнос, что даже гирокомпас, по словам радиста, вывелся из мордиана.

После этого отключения с капитаном были, по-видимому, забыты Шатилин, испорченный вакхан. На долю старшего и второго помощника не приходилось, как ему казалось, и половины того количества придриск и замечаний, которые он высказывал за свою вахту...

— Малый ход. Brigadiр в рубку! — Затылок капитана, слова отвернувшегося к эхолоту, была непрощаема.

Семеренко пришел не сразу. Долгожданный и kostистый, с угловатыми плачами, выпиравшими из тонкой застриженной фуфайки, он боком проникнулся в штурманскую и молча встал за спиной капитана.

— Будем смыть! — Капитан говорил, не приближаясь к Шатилину. На десять метров прочно прилипши.

Пинкот... От всех дорогущих тут пишет, а рыбка где?! Не эхолот, а брохомет это, вот что! — Семеренко мрачно смотрел в сторону... И прятал семя баллов...

— Не семя, а шесть-семь. Погода промысловая. Готовься, сейчас пройдет миль две на вест и начнем! Штурман, вызывайте команду!

По помещению разнесся резкий прерывистый звук аврального ревуна.

— И на черта мне такая самодельность! — долетает с палубы до Шатилина слова Семеренко. — Лишь бы к базам подойти — спишусь...

* * *

— Чистых ласк! Балом! — Старпом, с затянутым в кулак анометром, отдуваясь, залупил дверь рубки... А к ногам все двинуть уже обещают. Словом, подиа родной и сделала выхойдан... Вот тебе и рыбай! Я бы этих синтиков...

Рыба! Большая рыбай! Это было первое, что услышали утром Шатилин, натягивая тяжелые подуботинки и рутя... Как всегда, свой характер: после вахты опять пронесло до двух часов с механизмами в «козлах», и спать поэтому ходились зверски.

— По триста — четыреста килограмм на сетку идет! Вот подаваймо! — захлебываясь, сковорожкой сообщая раздраженный Шатилина матрос.

Но матрос ускользал с каждой минутой, и через час после личной выборки стало ясно, что надо становиться на вожак — дрейфовать с сетями пока не утихнет шторм. За бортом осталась почти весь «шордок» — больше двух с половиной километров сетей, не один десяток тонн рыб...

...Да, порвет на сетки, как пить дать, — вздохнула старпом... Но троим на этот раз забыть все же... Гладиши, через пару дней и убьем... Мясо свежего получим, картопечки — у меня с консервами живот болит... А ты, Кости, новую причину «Арктике» видел? Ну, брат, бабы! Я ее сразу запечатала, потому комитеты не видят жалобу... Капитан оторвался от сеток, схватил сял и оторвал...

Даже в этот пятницу, какой гремела сейчас СРТ-3925 над всем проклятием. Удерживаясь против ветра на сетях, как на огромном плавучем икоре, маленький судно стремительно карабкалось на ровущие водами холмы, проплыvalось вниз и снова, вадаргаская, взлетало вверх, отрываясь с палубы шинящую пену...

Шатилин зевнул и умылся стал вспять промысловый журнал. Смотреть на море было скучно. Утренняя сводка... Номера судов, квад-

раты... «Носом на волну», «Носом на волну», «Штурмную на сетьх», «Штурмую ожиданий обещанных шести баллов» — это какой-то острак...

Вахта старпома окончилась, но спускаться вниз он не спешил.

— Я со всяческими капитанами плавал, по-ис-
куму бывало, но такого впервые встретил... С Черепановыми скажем, три экспедиции хо-
дят — вот это кхи! Ни ложки в жалюзи сидеть, весь рейс с ребятами в салоне. Если рыбы много, помощника в рубку оставят, а сам — на
палубу. А если мало? Попадут в бурь, заболеют так мы двое суток чисты от самого Ян-Майена к Фарерам тополя, чтоб чудаку его кахм зачинили! Да... Когда Черепанова на «Мурманск» назначали, мы всей командой в
полтятод ходили, просили оставить... Или Охотин вот, знаешь? Тоже ведь ругалась, еще почище; мужик он горячий. Бывало, раскри-
чится: «Ты, такой-сякой, ширст тропических,
куда глядел!» Но ничего, не обидно. Он и сам говорил: «Во время работы на меня, ребята, не обижайтесь — это у меня производственный мозг... А нави! Всё что да «з...»

Сейчас же, тут же, рубку вспомнили.
— Старпом загасил сковороду в подшивке
баник... А умница, стала бы ребята терпеть
такое? Пришли бы к базам, я бы первый на-
чальнику экспедиции заявил: «Не умеет ловить
капитан! А сейчас подобрали все малость...»

— Все равно он пижон, — убежденно сказал Шатилин.

— Странт из себя не знаю что.

Стукнуло оконечко, ведущее из штурманской в радиорубку, и в нем показалась рука ради-
ста с листком бумаги.

— Пятьсот двадцать восемьдесят аварийной даты.
Ба второй трюм вода поступает. Ветер у него одинадцать, порывами до двенадцати... Квад-
рат восемьдесят один ульяна.

— Есть там кто-нибудь рядом?

— Несколько судов есть, будут держаться около него... Ну и завернуло же, а? У Лофотен два норвежца СОС дают. В ближайши-

час — усиление ветра...

Стеклом тяжело тянулось и направлялось к трапу.

— Каждый, ужин, зевкал. Повод забу-
керуюсь... А доложи яну о пятьсот двадцать
восьмом. Счастливой вам вахты, Константин Петрович!

Погладив очередную между воли в лениных
полосах изредка показывавшиеся макушки глубо-
кого осенних под тяжестью улова буев, Шати-
лин поднялся к себе вахтенного журнала.
Из-за качки почера был неровным, слово за-
лезало на соседние строчки:

— 20.00. Вахта принял 3-й помощник капитана

Шатилина. Штурмную на сетьх в квадрате 83-х... Подибогателейской малым ходом.

По судану воду подкараул.

Тысячи раз — днем и ночью, в непогоду и
штиль, в море и в порту — ставил Шатилин
свою подпись на строчках разглагольствованных
страницах судовых журналов. И каждый раз с
уважением и какой-то немножко смешной ему
самому гордостью он раскрывал эту прошну-

рованную и скрепленную печатью порта книгу,
на титульном листе которой после названия
судна идут четкие слова: «Собственники су-
дна — Союз ССР, а еще ниже — фамилия ка-
питана».

Торжественное спокойствие океанских про-
сторов грохот урагана, голубые берега далеких
стран, аварийные работы, болезни и смерти,
встречи и прощания, пудовые недели ремонта —
все это укладывается в неспешную графу «слу-
чан». С того момента, когда на свежепокрашен-
ном флагштоке впервые поднимается новейший флаг Союза ССР, суда попадают в живо, вахтено-
ми помощники страниц за страницей запол-
няют журналы, шесть раз в сутки передавая
друг другу эстафету ответственности за судьбу
корабля и всех, кто на нем...

Был окрученный, историонный пожар этого
помощника, за них размашистый, с сильным
наклоном — старпом, затем — его, шатилин-
ские, каркины, и снова — второй, старпом...
Крайний справа, девятнадцатый графа — «заме-
чания капитана». На СРТ-3926 здесь нередко
появлялись лаконичные, но едкие фразы...

Штурмная захлопнула журнал и засекла за пе-
репортующую скобу.

...В салоне, расплощенном на самой корме,
какча особенно досаждала. Несколько раз в
минуту салон, как огромный лист, толком
остал вперх, потом мокрый листоум прят же
быстро уходил из-под ног, корма гулко шла-
лась в волну, и иллюминаторы накрывала
матоватая светло-зеленая тощца воды.

Иван Иванович все же приготовил на кашу с тушеником, и сейчас за другим, небольшими столами разместились гостинный стул ложек об алебастровые миски. Антоны, самомууленный и немножко вздорный парень, лениво перекинулся с бочонком, выскреб миску и скосил супух ее на камбуз:

— Ван Бычы! Помолк, как родному!

— Да ты что, Антон? — боярин попытался развести руки, но тут же свихнулся со свою миску, — и так морда под звондистку не умеет...

— Есть-то вы все здоровы! — Иван Иванович высунулся из камбуза. — Коромя я вас, кормлю, дармоедов, а то-куль Тройм до сих пор не умеет...

— Ничего, наша рыбка уже на привозе, никак не денется! Верно, Семенчик? — Антон подмигнул старому.

— Да... Граду слаам — надо опять в этих же квадратах походить, может, снова повезет.

— Везет — это дуракам... — раздался из-за другого стола голос Семеренко. — Соображение надо иметь! Вот у вас, на Азовском...

— Тоже мне, сравнил! По своему Азовскому идеши — из-под винта грязь летят и сзади язышки смешаются... Ты брось, бригадир, пока во ми с рыбой! Лучше бы я, батю, был, сколько я придет, чтобы там топтыши возвели...

— Эх ты, жизнь такая... — лениво прошутил кто-то из матросов. — Рыбы — стране, Аньки — жена, а сам — на воле...

По салону поплыли табачный дымок. Иван Иванович протянул опустевшие столовы, и лишь в углу страдающий от кашки матрос Исаев с бледным лицом еще кашлял кашью ложкой кашу, а рядом с ним смыкался сочувственный голос Антона:

— Таракана, что ли, напала? Так это ерунда, наши тараканы мелкие, совсем даже чешуйковые... Вот я на «Тамбов» плавал — там, я понимаю, тараканы были: пары ухватят блукну, а рядом с ним смыкался сочувственный голос Антона...

* * *

Шатили проснулся оттого, что встал на ноги. Собственно говоря, он оставался на ногах, но когда в нем прыгнуло чуть ли не вертикальное положение, и он не упал только потому, что погнал было некуда — и ноги уперлись в дереву.

По какото с грохотом пронесенася сапоги, железная пешеходица, еще какие-то предметы, высокочка из гнезда и со звоном расколася графии. Что-то тяжелое сорвалось и зажремело по камбузу. В темноте крок кказался особенно зловещим.

«Пожалуй, больше пятнадцати», — подумал Шатили. — Да, больше... А предрасположенности где-то около пятидесяти градусов... Но матросы не спали спокойно: сарконы, вспыхивавшие и сейчас же появлявшиеся на другой борт, но уж как будто несколько меньше. От разких бросков что-то скрипело, становилось, под пальбой хваты ожесточено вибрировало, гребной вал. Шли куда-то позади ходом, лагом к воле.

Шатили зажег плафон. Стрелки раскачивавшихся на вазодиле ручных часов показывали четыре сорок. Что все это могло означать? Шатили перебирал в уме одно за другим, но подводящего объяснения не находилось. Отправился от суеты? Нет, тогда бы пытались прорвать каюту, а не вспыхивать в темноте. Кто-то судно явно дает куах-то в сторону. Но почему тогда бросали портфель? Что заставило это сделать? И главное, в такую погоду! Шатили знал, какой риск даже ненадолго подставить борт двенадцатиградусному ветру и беленой, обладающей силой стального тарана океаниской воле. Решиться на это можно только в самом крайнем случае...

Минуты проходили минутами, но ничего не менялось. По-прежнему, падали то на одни, то на другие борты, то вспыхивали скопами, скопами, то вспыхивали скопами...

Могло быть, кому-нибудь понадобилась помощь? Пытаться добраться восьмому? Но около него никто еще не судил... И потому это ведь не путь — оставил на произвол урагана портфель почти из сотни сестей, который стоит не один десяток тысяч... Да еще с рыбой. И с какой рыбой! Первый раз улыбнулось настоящее рыбакое счастье...

Так ничего и не придумав, Шатили бросил грааль. Может, сядет и подадется в рубку? Год, или портфель назад. Шатили, без сомнения, так бы и поступил. Но с тех пор он стала выдергиваться из-под носа, скорошно разинувшись и, любопытство к внешним событиям в свободные от вахт часы считывая малярществом. Восьмые часы сутки с избытком хватало на все волнения и любознательность... Да и ради чего, в конце концов, вылезать из теплой постели? Старик, завалывавший спать в штормовую погоду, обычно шутил: «Будем тонуть или обедать — разберутся!». Черт, верно! К тому же извнера сейчас и скрипят, и кричат — его хватит погибнуть! — и, конечно, капитан... Шатили сам не любил, когда в тесной рубке толкались азиаты люди. Будет нужно — его поднимут.

Шатили покропческо уперся ногами в переборку, намереваясь успеть, как можно скорее: до вахты оставалось лишь три часа.

* * *

Нервный писк моржики леж в уши, и было неизвестно, как можно что-нибудь разобрать в этом захлебывающемся потоке. Только что разбуженный стариком капитан сидел в радиорубке, внимательно разглядывая пещел на конце сигареты и присущавшись к тяжелым ударам воли.

Радиц подняла голову:

— Второй трюм затоплен, машина не качает, только ручная помпа. Вода медленно прибывает. Около них тридцать для семидесят, семисот шестой и вдвадцать четыре восемидесят... — Не уку я оху матомонии нет!

— Не тридцать для семидесят есть, но не работает...

— Моржики! — капитан с размахом расплющила сигарету о пепельницу, аккуратно прищурившая проволокой к операторскому столику... Гнать таких поганой меткой из флота надо! И этот тоже хороши пытесь вдвадцать восьмой. Почему у меня вода в трюмах нет? Почему!

Как большинство радиостанций Саша имел невозмутимые и весьма независимый характер. Весь его вид, казалось, постоянно говорил: «Работа у меня посложнее вашей, но я делаю свое дело, как могу...». А уж остальное... Смотрите сами. Погромы и сейчас оху поправляла настройку и замер в кресле, не поворачиваясь к капитану.

— Спросите, сколько рассчитывается продержаться?

Помедлив минуту, капитан приоткрыл дверь в руслеву рубку:

— Разбудите боярца, бригадира в старомех...

Навислая плечом на передатчик и упираясь коленями в стол, он сидел как-то очень тяжело и неловко. Черная тужурка с выпуклыми, сияющими глазами, пуговицами, сморщенная и присоединенная ко плечам; было похоже, что капитан спячка.

Ответила радиц пытесь вдвадцать восьмого: до утра думают предержаться, а дальше — сказать трудно.

Прошло еще несколько минут. Саша невозмутимо смотрела на светящуюся школу.

Капитан очень медленно снова достал сигареты. Долго выбирал послеве набитую, метров пятьдесят, с растяжкой, закуря, провел ладонью по холодному металлу передатчика. Поднявшись, вышел в руслеву рубку.

Примоутомленное окоченевшее в колпаке компаса чутко освещало снизу усталое лицо Коли Бойчува, прижающегося грудью к штурвалальному колесу. Остальных в темноте, почте не было видно. На передней стеклом для то и дело тяжело хлестало водой; в глухом, равномерном реве с неумолимой ритмичностью рождались более близкими и угрожающимий шум, где-то высоко над носом судна появлялось что-то смутно беленое широкое, корыбье сограсская от удара, и, узко ахах, очредная волна прокатывалась мимо.

Все это молчали.

Капитан встал на склоне радиостанции, который, по-стариковски покривившись со сна, пытается застенутуть ватник на исступающую пуговицу.

— Как машина? — капитану приходилось почти кричать.

— Машина, что ж, ничего... в порядке.

Повернувшись спиной к стеклу, капитан оглаждал темную рубку.

— Вот так. Сейчас пойдем к пятьсот двадцати восьмому.

Внизу, по палубе, рокока, шарахнулись с десяток-tonн воды, и все почувствовали, как вздрогнула рубка.

— Да вы что, товариц капитан! Порядок наше как же? Сложж, запутал... Да и не найти нам потом его. Совсем на бобах останемся! И воли-таки!.. Нам же сде... Людей-то смыт-о, что-то наша лясть... Семеренко кричал зло и ожесточенно.

— Пойдем к пятьсот двадцать восьмому. У нас моторомы... Старик длино выругался.

— Весь идти же лагом, как раз волна влевый борт будет! Не успеши пыкнуть — и оверки! Им не поможет и сама накреекс...

— Подожди... перебр его стариком, — спокойно надо! Погод-то, капитан, действительно... Судно в баласте, можем не дойти.

— Дойдем... — капитан сказал это так тихо, что почти никто не расслышал.

— Товариц капитан, нехах рисковать людьми! — Старик вполе овладел собой. — Нам ведь, если никох помочь не успеет. И пото-то мы бы были — другая разговор, а тут часов пять ходу... Ничего никох не скажут, раз такое дело...

— У нас моторомы... Казалось, капитан думал о чем-то совсем другом.

— Аурмы мы, что ли, такой рыбой кидаться! — Семеренко обрадовался ко всем сразу... Проклятие тащил так... Скохко заэр уродовали... Весь флот смеется...

Резко повернувшись, капитан нащари рукой выключатель, и рубку залы крикнул:

— Отставить разговоры! Привыкли болтать. Выполните приказания и не устраивайте бэ-зара!

Семеренко коротко взгляну в его сторону:

— Я первым отдавать не буду, как хотите...

— Вс, вы что, сообразите-те! — Голос капитана зазвенел... Знаете, чем это пахнет?

Старик, порыбаясь что-то сказать, тронул ее за руку, но капитан не заметил.

— Еще раз спрашивай: смышила приказание? Ну! Под суд! под суд!

Задыхаясь, бригадир шатнула настрему капитану. Судно резко качнуло, и, чтобы не слыхать в угол, Семеренко ухаживал за плечо рулетово.

— Ти моя и погиб, не таки впада! Под суд... Кинет ты после этого! Слав еще моя под суд отдават!

Они стояли друг против друга — изысканный, худощавый капитан и бригадир, еще более громоздкий, чем обычно, в жесткой непромокаемой куртке, с присущенными бешеными галошами.

— Так... Ну что ж... — Продолжая смотреть на капитана, Семеренко надвинул побагу звондистку. — Давай, старик, пытани на лебедку и свет на палубу... Он неторопливо склонил и вышел из рубки.

Капитан отшвыкался:

— Скажите пытесь вдвадцать восьмому, путь работает на пелен... Из носовых кубриков на корму. Вониши! Еще раз осмотрите трюм, все на палубе и на спадре! Проверить спадре!

Под напором ветра, освобожденное судно быстро отсыпало от оставшегося где-то впереди, в темноте, сбитого порядка.

Положив ладонь на рукоятку машинного телеграфа, капитан переставил ее с «малого впереда» на «большой вперед». Мелко задрожала палуба рубки.

— Право рулы Ложис на пятьдесят пять...

С закущенной губой Коли крутанула штурваловое колесо. Под курсовой чертой компаса справа налево покатились черные цифры граммуса:

— На румбе?

— Пятьдесят... Пятьдесятчетыре...

Внизу, под рубкой, жадно заревела вода. Показалось, что кото-то испепелился, склятия судно за маты, пытается перевернуть его днищем кверху... Коли повыс на штурвале. Второго помощника через всю рубку бросило на старпома...

Капитан посмотрел на часы:

— Штурман! Запишите время: четыре сорок!

Фок-мачта огромными стремительными взмахами прочерчивала низкое, в клубящихся темно-серых тучах небо. Горизонт поводил всплесками вершинами волн, изогнувшись горой. Слоновые и мадагаскарские киты, бывшие до этого на счастливой пятынчатой даме, и ржавчина, искались на судне, страшные в своем тяжелом и таком легком движении. Ветер ослабевал, лишь в те секунды, когда судно оказывалось на дне ложбины и от правого борта уходил, весь в полях белово-зеленой пены, тыльный склон волн. Но слезы опять уже вставали, грозы смыть и поглотить, новая горная чайка.

Судно шло, широко черпая бортами и почти касаясь воды крыльями мостика.

В пять тридцати поворотил вентилятор на спиральке, в шесть тридцать сломало кронштейн левой палубной мачты, и капитану пришлось, упираясь на вахте Шатилини, разбить авария стекла в рубке и снеся прожектор на верхнем мостике. В заданные на скорую руку фонари окна свистят и вспыхивают.

По расчетам, до пятисот двадцати восьмого осталось уже совсем немного.

Автом на руле, широко расставив ноги, то и дело подглядывал налево, выбирал голову в плаччи в ожидании очередного удара волны. При каждом особенном сильном хрене он изумленно и несколько растерянно ругался.

«Точнее», — говорил он, — «всего пятьсот».

Этот раз пересловья капитана, услышанные Шатилини сначала всхлипами.

Капитан молчал. Уже пятый час он стоял слева от рулевого, щепетищая одной рукой в решетку отопления, другую — в ящик для биноклей и упираясь спиной в массивную тумбу гирокомпаса. Капитан смотрел на море. Смотрел не отрываясь, не меняя позы и не отодвигаясь от стекла. С пущенным громом разбиваясь о надстройку, вода временами закрывала в окнах небо. Шатилини видел лица, как белели струи капитанских пальцев, скжимавших край жизни. Или лицо судна, ступившее вспухая на глазах, особенно красное лицо.

На сунде все устали. «Заклинившая» на длинниках в салоне, на койках в кубриках, люди перебрасывались образцами фразами, видя жевалы галеты, курин. Шатилини подумал о том, как трудно во время таковой сумасшедшей качки в машинном отделении: ни лебя, ни воздуха, только вспыхивающая торчком железная коробка, скользкое от солища желтое под ногами огромное горячее тело трохощущего главного двигателя...

Неожиданно щелкнула и защипела динамика трансляции:

— Пятьсот двадцати часов. Ничего, держатся ребята, хорошо держатся! Не поведал, конечно... — Голос звучал монотонно, без интонаций; чувствовалось, что он принадлежит смертельно уставшему человеку. — А ловите мы, Боря, не плохо, лучше, чем прошлый раз, лучше. Я тебя между прочим, еще позвоню, услышал, думаю, подойдет, а вы у Шатилинских задержались...

Радист пятьсот двадцать восьмого говорил с радистом какого-то, видимо, только что подошедшего судна и Саша включила трансляцию во всех помещениях.

На сунде затихли разговоры.

— В машину стала вода поступать — пока немного, немножко. По нашему плану тридцать девять двадцать пять подходит, у него

мотопомпа. Но еще не видать его что-то... На палубе трудно, конечно, волна большая... Ты расскажи, как там дома, Боря, как там дома, что нового? Что там с Ниной? Мне Николай с «Арктики» говорил кое-что, но неясно, неясно... У меня все... Кто понял? Прим.

Несколько раз отвечал на другой волне, и это не было самим.

Шатилини представил себе, как радиотехник вдвадцать восьмого, не выпуская микрофона, наклоняется к приемнику и закрывает распухшую от бессонницы глаза, а на палубе, под каскадами ледяной воды, на немыслимом ветре, матросы ручной помпой качают все прибывающую воду, качают, не думая о том, что каждая новая волна может сломать за борт, качают упирающиеся часы.

— Понял, тебе понятна, — снова заговорил динамика. — Спасибо за вспоминку. Как-нибудь будет с собой... Капитан! Илья! Илья! Ах да!

А Нине я телеграмму дам. Всё так... Я, Боря, сейчас послал немножко, здесь в кресле. Вызываешь меня через десять минут, через десять минут вызывать. Все у меня.

Капитан по-прежнему смотрел в окно рубки.

— Пятьсот двадцать восьмого держалась носом на волну, сильно осен в воду. Его и без того низкая палуба, казалось, совсем не возвышалась над поверхностью моря. Только пропавший нос корабля еще разбивал вершины катящихся на встречу волн. Горой их гребни опрокидывались на бак, и тогда было видно, как из-под воды всплывали и падали стекла, сквозь них ритмично качались фигуры людей. Сквозь ледяную водяную пыль на расстоянии полукилометра виднелось несколько СРП; то скрываюсь за волнами, то поднимаясь, словно огладившая море, они, охвачив подковой аварийного судно, как бы говорили ему: мы здесь, рядом, мы следим за тобой...

Капитан распорядился встать носом на волну, чтобы пятьсот двадцать восьмого и спасти из рыболовных буев плотик для мотопомпы. К плотнику привязали длинный конец к нему — выброску, которую нужно было передать под борт пятьсот двадцать восьмому.

Готовый плотик с хорошо закрепленной и укрытой мотопомпой оставалась называть за борт.

Шатилини вместе с матросами пытались застегнуть на водой край плотника, поддергиваясь сверху двумя концами. Стоя на узком палубе вплотную к подступающей неожиданно ширмовой воде было испрятано. Каждый раз, и, видимо, поэтому получалось плохо. Наверху бестолково суетились бойцы.

— Кто же так делает! Штурман! Выша поднимается! Услышал? Шатилини голос капитана. Нет, учить и учить еще надо... Стойте!

Быстро схватившись за винт, капитан очутился рядом с Шатилини.

Под крен, под крен заноси! Так!.. Живай!

Плотник с мотопомпой задергался на волне у фальшборта. Один за другим матросы вскарабкались наверх. Стоя на опустевшем палубе рядом с капитаном и изблода, как плотик проводят воду за корму, Шатилини удивленно подумал о том, почему капитан спускался на палубу: это не влезало с его характером. Было ли дело в немоизмеримом страхе его пренебрежительной тщетности здесь, выше, у рукояти фальшборта, рядом с пищущей вокруг сапог пеной?

Отворачиваясь от ветра, выхмысанного слизью, Шатилини вслед за капитаном шагнул к трапу.

пу и вдруг почувствовал, как под ногами резко оседает палуба...

— Полунард!! — Это крикнул кто-то наверху, на крыше мостики.

Шатилини бросил взгляд через плечо — над бортом бесследно исчезла волна, она закрылась на воле, небо, она наклонилась над судном тяжелую виноватую стену воды, которая становилась ближе с каждой долей секунды. «Рузвельт» зевнул... Эх! Бежать на палубу было поздно; тем более было раздраживать дверь, ведущую со складфута в коридор, — да и неслых: вода сразу пойдет внутрь... Со складфута, заканчивающегося тупиком у закрытой кормы, оставался один выход — по узкому вертикальному трапу на вахту, на спайдек. Все это пронеслось в мысль о каком-то неизмеримо коротком мгновении. Содрогнувшись, Шатилини скатился со трапа, покинув ее в темноту синий приближение страшных сотен тонн воды... Одни из них еще могут успеть: одни из них должна быть, не размызгая, разнуться... Но уже поздно.

Наверх мелькнуло искаженное лицо Семеренко; кто-то рядом с ним заржал в стопону... Премя перед глазами Шатилини видел местами облуплившуюся, в мелких трещинах краску на надстройке и выпотную со своим, скжатыми на трапе рукачами, руку капитана в блэзовых рабочих перчатках, совсем еще белых с синими пятнами на пальцах. С непрерывной силой волны били в спину, охваченою со всех сторон, накрываю тяжелым и плотным. Потому-то стало тепло. И сразу же разнуло назад, за борт, выдирал из пальцев спасительное железо трапа, вывертывая руки...

* * *

Они сидели, прислонившись спинами к теплому кожуху рубки, закрытые от ветра бортом. Сузы руку в карман, Шатилини вытащил пропертшую в мокрую кашу канту спирт и широкую полоску ваты. Каждую размокнутую канту выбросил в погасшую кашу капитана. Он был без фужирок, витой полбодячий широк, вероятно, алюминий, и мокрые водососы налили на самые глаза. Через всю склулу у капитана тянулся кровоизлияние.

— Возьми шапку, Николай, голову застыдишь... — Семеренко протянул капитану свою облезлую, потертую шляжку цвет шашушки.

Они жадно курили, стараясь не намочить сигареты, и смотрели на море.

— Эх, штурман! — капитан неожиданно толкнул Шатилини плечом. — Сюда бы наших баб, а! Посторонних не надо, они, как эти тысячи тупиков, посыпали бы, как тут! — Голос капитана срывался.

Они курили и смотрели на море. Волна остановилась прежней, но ветер как будто стал слаще. Оно уже не захватывало с собой воду, и горизонт выпустил четкой густой линией. Прижимаясь к поверхности воды, поднимались и опускались вместе с волнами белые гаульшины. Иногда один из них расправил на гребне крылья, и ветер сразу же отбрасывал его далеко назад.

Шатилини думал о том, что ему никогда никак не уйти от этого просторя, от этого ветра, от привычной тестости судна и дрожки аванса под ногами, от всего, что может быть названо одним коротким словом — «море». Разве в днигах дела? Он знал, что ему нужно только

это — смотреть вот так, в широкую и доступную даль, спущаться в руках жесткости сизали и нежный металлический скрипта, задевать за столом плачами друзей... И он знал, что капитан тоже плакает потому, что не может не плакать, а вовсе не из-за денег. И не из-за денег здесь Семеренко, и Антон, и Коля Бойцов, и старшем, и Иван Иванович. И все они будут тосковать по земле, считать дни, руслы, поты, буду проплывать из яхты, оплакивать в отходах, чтобы скончаться сюда, где седой и юный океан от пояса до пояса ворочает свою тяжелую волю...

Когда Шатилин, передохнувшись, поднялся нахрек, капитан в стром синем кителье уже стоял на крыле мостика, отжимая спиной стремившуюся запахнуться под напором ветра дверь рубки и наблюдая, как на палубу пятьсот двадцать восьмого матросы торопливо устанавливали моторпулю. Четыре человека, монотонно клацаясь друг о друга и не глядясь, были на творящей, продолжали качать пружину.

Но вот они замерли, распрямились, и сразу же сквозь ветер пробился слабый мотоциклетный тикот моторов.

— Ехали же тут за чайкой нечего... — Капитан, во глади, пронзив руку назад, внутрь рубки, и до упора передвинув рукоятку машинного телеграфа. Ложиться к обратному курсу, пойдем искать портной!

Разворачиваясь на все еще огромной волне, судно начало медленно удалаться от яхты, двадцать восьмого, и казалось, что тот так же медленно и печально поворачивается вслед.

— Воздух на телефон! — бросил через плечо капитан.

— Воздух на телефон! — Заткнув пробкой перегородку трубки, Шатилин взялся за ручку судовой сирены и по знаку капитана потянул ее винт.

Густой вибрирующий звук телефона плавно взмолчал уши. Адмирал... Еще Адмирал... Еще такой же... Традиционное морское прощание.

Было видно, как на пятьсот двадцать восьмом вахтенный помощник, наклоняясь к перегородкой трубке, вызывал машинное отделение. Спустя десяток секунд оно слуху донеслось, захлебывающееся на ветру отголоски гудка пятьсот двадцать восьмого. Преводовая салютующий штурвал, они звучали первово, хрипло, но настойчиво и благодарно. С палубы уменьшавшегося судна махали звонкими. Теперь одни короткий; Шатилин опустил руку. И снова — ответ: последний прощальный вскрик пятьсот двадцать восьмого...

Шатилин покачнулся, как к горлу подступивший комок, и кашель.

Судно лягло на курс, — плашка левого борта закрыла собой кальваниющие мечты пятьсот двадцать восьмого. Капитан продолжал стоять лицом к морю у обвеса мостика. Его затылок странно выдиралась.

Шатилину захотелось что-нибудь сказать, сказать вот сейчас — все равно что, лишь бы что-то было сказано... Но вместо этого он почему-то заглянул в картошку компаса и стал закуривать.

С треском захлопнулась дверь. Опустив мокрое от брызг лицо, ни ни кого не глядя, капитан быстро прошел штурманскую.

Через минуту оттуда раздались еще резкий голос...

— Где у вас прокладка за вахту? Разве это прокладка?! И вообще, кононщина в рубке...

Михаил ДЕМИН

ШОФЕРЫ

Ковчег собой напоминая,
бушует
чайная
стеная.
Здесь целый союз
одежд и рас;
буфетчик — родом из Кореи,
шумят бухарские евреи,
живут узбекские терпичи нас.
И у порога

в рабах грубых,
ава паренька издалека —
бездельника,
толстогубых,
землистых паренька.
Они кирпичный чай смакуют,
плак опиумщикый едят.
Они об Азии толкуют.
Они на Азию глядят.
Ульбки в потных складках рта:
— Да, брат, экзотика не та...
— И чайхана, она — иная,
простая чайная стенина...

Струится сигаретный дым
из аксакальской бороды.

Так, по экзотике скучая,
за чаем, в широке ветчине,
она сидят,
не замечая
всей экзотичности своей.

И только на короткий миг
смокают,
вспоминают оба
в бархатах белых,
как в супрабах,
забуксовавший гроузик,
и — зной,
и зной восторг,
с которым

хлебали

за глотком

глоток

густой и ржавый киянок

из перегорелого мотора.

ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ

Слышишь?
Лебеди кричат.
Смышишь?
Лебеди кричат.

В Лукоморье — хвойный край
гористый.

Лебеди летят над глашью
мглистой.

Лебеди летят
над молодой
лебедией
над полою водой.

И созревшие Лебеди над ними
бьют крылом,

кружка в рассветном дыме.
Вот уже становятся зубчат
океан за тихими лесами.

И в восторге

Лебеди кричат
дикими, шамаными голосами.

Так они кричат,

спешат к рассвету,
спыхнувшему сумерече будя,

и, наверно,

мнится лебедям,

что поют,

что лучше песен нету...

Впрочем,

может, правда тут свои:

мчаться птицы в отчие края.

Марь степная на сто верст лежит.
Кромку жухлой ржи
стригут стрижки.

И шофер глядит с опаской вдаль:
быть грозе!
И давят на педаль.
Быть грозе...
Плавает и пишет мгла.
Быть грозе!
Густая мгла легла.
И, разы посып,
слепит глаза,
из-за сизых гряд
грозит

гроза.
На волну взрывную вихрю похож.
И уже оранжевую рожь
голубая дробь
вгоняет
в дрожь.
...Но все ближе,

все ясней
с востока —
голоса и очертания тока.
Смично плачет, шепчет
шепчут шины.

Первый, чистый луч
лазила капот.

И тогда шофер
со лба машины
рукавом стирает грязный пот.

* * *

Пышет поддия
подъмы
над седами,
толыми голыми,
сукодолами.
Зыбаются далекие хребты.
В малыйном мареве долина.
Пиль — волчеба.
И, как наши рты,
запеклась и расколась глина.
Быть лучи, трепещут горячо.

Жаворонок извился и — молчок.

...Был первоц привычным
персонажем
всехских романов и пейзажей,
а теперь
впервые за века
сам не смышил собственного пения,
оглушенный
скрежетом сцеплений,
рыком громовых гроузиков.

РАННИЙ ЧАС

Киповар за кудами лесными.
Гризуя

первый луч

из хвойной мглы.

На мгновение
сделались стволы
плоскими — как будто вырезанными...
Лог вздохнула.
Подожжена роса.
Сойки

поднимают

голоса.

И тогда
встречаются над чащей
жидкий лунные серы
и диски слепящий.
И встает, вздымается, луна,
утро яркого края.

Как темно, должно быть,
в этот час
на другом краю земного шара!

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

НА ДНЕ МОРЯ

Прораб Николай Вазилев встал, как обычно, с рассветом, наступил первые световые салюты и вышел на барбакан. Было преддверие землетрясения, поэтому заранее было предупреждено. Но пра-вежу бледным светом вспыхивали огни электроподъёмников.

Вода зашагала ядоли пульпопровода по дну будущего Монайского моря. Шагал он быстро, легко, чуть-чуть носолапом. Между правым и левым берегами, краинами земли, вода, как бы всплыла, застыла зеркальная гладь озера. Вода, попадавшая сюда вместе с глиной и галькой, поднялась намного выше, чем обычно. Это обес-кончило Николая. Он устремил шаг.

— Забытое дарческое колодце. Вода может перелестнуть через плотину! — истребление принуял ему механик Томиневич.

Над стройной наивисла опасность. Вода грозила затянуть штабеля скользящих камышей, терпеливо лежащих перед дверью экскаваторов. На многое днёны могла замереть работа добrego десница громадных эснаидаров.

Под углом, оторвавшись, некоторые, стремясь убежать от времени, работали здесь днем и ночью уже не один год. Они не прекращали напызанной работы, не сдавались, не сдавались морозам, когда обливавшаяся в реку порода обрушивала на людей тучу ледистых остоков. Тогда же, в 1956 году, на строительство Монайской спариды № 152 Николай Вазилев, поднимавший крутые стены берегов, упорно продвигался вперед. Гидроэлектрическая сугубо важная задача, доведенная до конца, требовала упорства и выносливости. В будничном и речном спасении сапоги, поднявшие иудак под голову, засыпали здесь же, в машинном отделении.

— Стойте, делайте, старий! — спросил Вазилев, сузившимися глазами глядя на механика.

— Нужно прочистить трубу колодца, — ответил Томиневич. Томинец поклонился, — Трубу? Ведь если под напором воды застряла пробка сорвется, человек уже не выберется на землю! Ему нечего было сказать.

Тогда это, механики старались не глядеть в лицо Николаю. Ему, видно, не по себе из-за того, что он сам не вылезал спуститься в колодец. Но Николай спокойно стар для этого, и Николай понимал его.

Что ж, начнем, — говорил Вазилев, когда зеван будет поменян на Николая Вазилева.

Когда багровый зеван заплысал в разливавшемся озере, Николай вместе с опрокинутым и глиняным краем залез в трубу, которая горизонтально уходила в основание плотины и где-то там, в глубине грунта, смыкалась с вертикальной.

— Приникнись, веревкой; если ум и случится что, вытащишь, — сказал меканик.

Обязательно! — прокричал Николай, нарываясь на фонарь. Николай влез в черный зев трубы.

— Чуть что, сразу сигнализь! — прогудел вслед Томиневичу.

Потом было трудно. Труба под тяжестью плотины деформировалась, стала извилистой, точно скрюченный шланг. Изгибь были заняты водой. Потом, когда вода покинула трубу, заняла час. Натыкался на водную пробку, Николай поднимал фонарь, пытался разглядеть, что же это за пробка. И вдруг, вспыхнув, фонарь, как будто выхвачивал из тьмы лишь нескончаемый метров. Вода начала заливать рот, нос. Стало тяжело дышать; фонарь погас.

— Стойте, — крикнул Николай Вазилев, приглушенный растяжением голоса меканика.

— Все в порядке! Ни-и!

Николай не знал, сколько он лежит. Быть может, насыпь, на которой прокричали первые петухи. Несколько раз ему еще удалось замкнуть фонарь, но после очередного купания багровым промыл, вспыхнув, фонарь, как будто изнутри, перестал светить. Все погружалось во тьму. Теперь Вазилев двигался на ощупь. Рискнул, глязнул, вода разливалась вправо, влево, вперед, назад. Холодная, мокрая тишина лыжного носостука пронипала к телу. Здесь, в этой железной книше, сплошь икс-хис-хис-хис-хис-хис.

Погружавшись по горло в воду, Николай медленно полз вперед. Неожиданно он наткнулся на что-то острые руки нашлили обрезом трубы. Да, это был цепной крюк. Куски металлических брусьев с гвоздями, между ними застрияла щепка, мусор. Казалось, выдерни хоть одну деревянную планку, и всплынет вспаханная края остирины досок и железом, ринется на тебя.

И все-таки Николай начал расчищать одну из этих щепок, макал в воду, чтобы не застывать, не даваться и постепенно вышла из завала. Николай взялся за другую... Зевал превращающийся в дырявый сито. Водяные волны, всплывшие из-под воды, они может залити Николая с головой!

А водные пробы, через которые он с таким трудом преодолевал разрывы, всплыли, всплыли, очищенные, но один метр. Вода там, на поверхности, вот-вот достигнет потолка. Неужели западне?

Время от времени Николай еще сплющивал голову, чтобы не сглотнуть воды, — сиди, сиди, не плачь же!, — но не отвечал. Он наглотался грязной воды, и от этого резало в горле.

И вдруг, всплыли, сорвались в три логибши, он привалился к ржавой стене трубы. Еще сильнее заныли плечи и спина.

Остановленный, измученный, измученный крикнул, завял стоял медленно, наизнанку. Сжириня его своим теплом, Николай пытаясь наладить. Металлические швы, скрепляющие коллектора, развалились, да и края раздвинули тем же.

Казалось, это продолжалось целую вечность. Но в блеске в блеске звучал голос Томиневича. Сибиряк, сидевший на обшивке, оторвал края дуги.

Нервный свет фонари освещал серое лицо Николая, прихваченное губами, позеленевшими от усталости.

Ноги швы варяли, кусок трубы оставил, — коротко пояснил он. — За него и зацепился весь хлам.

Кардинальной ярко вспыхнули фосфорические огни электроподъёмников. Не останавливаясь ни на миг, землемеры продолжали наимывать плотину.

П. БАБЕНКО

Центральный Комитет ВЛКСМ одобрил инициативу комсомольцев Латвии и наградил республиканскую комсомольскую организацию за большую работу по экономии и бережливости. Почетный знак ЦК ВЛКСМ.

ЦК ВЛКСМ признает комсомольские организации, юношескую и девушескую страны по примеру молодежи Латвии развернуть массовое, боевое соревнование за изыскание новых резервов экономики, за сокращение потерь на производстве.

(Из постановления ЦК ВЛКСМ
и ЦК комсомольских организаций
Латвии, рабочего движения
комсомольцев и молодежи за
изыскание и использование резервов
производства и борьбе с потерями).

Фото А. ОСИПОВА

ТАК ПРОХОДИЛО ЗАСЕДАНИЕ ШТАБА ПО БОРЬБЕ С ПОТЕРЯМИ РИЖСКОГО СУДОРЕМОНТНОГО ЗАВОДА И УПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ЛОВА. ВОЙНА ПОТЕРЯМ ОБЪЯВЛЕНА

И НА ЗАВОДЕ ПОЯВИЛИСЬ РЕПЛЮВНЫЕ БРИГАДЫ, ОТ ВНИМАТЕЛЬНЫХ ГЛАЗ КОМСОМОЛЬЦЕВ, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫХ ГУРКОВЫМ, НЕ УСКОЛЗАЛО НИЧТО.

ПОТЕРИМ — КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗАСЛОН

ЧТО ТАКОЕ 1 ПРОЦЕНТ? * МОЛОДЫЕ ПОРТОВИКИ
ЛОМАЮТ «ТРАДИЦИИ» * ФОТОАППАРАТ ОБВИНЕЯТ

Это началось осенью прошлого года, когда Лиепайская городская комсомольская организация выступила с лозунгом: «Войну потерям — дорогу резервам!»

Почин комсомольцев Лиепаи подхватили юноши и девушки промышленных предприятий Риги, Даугавпилса, Ревеля, Екабпилса. На

заводах прошли экономические и технические конференции. Было подсчитано, что снижение себестоимости продукции на предприятиях республики всего на одну десятую процента скажется на государстве: миллионы рублей сокращения расхода металла только на 1 процент дают экономию, равную дополнительному выпуску 3,3 тысячи тонн проката.

Экономия же одного процента потребляемой электроэнергии равна дополнительной выработке 12,5 миллиона киловатт-часов. Количество предприятий, включ-

чившихся в это движение, росло, как снежный ком. Особенно их много в Риге.

Рига... Здесь не только промышленное сердце республики. Это один из крупнейших портов нашей страны. «Гавана», «Монтевидео», «Лондон», «Александрия» написали в ящиках, ожидающих отправки в далекие заморские страны...

Молодежь Латвийского морского пароходства тоже включилась в борьбу с потерями. Они образуются здесь от простых судов и внутрьпортового транспорта — вагонов. Простота одного грузового судна в зависимости от водоизмещения стоит в сутки несколько сотен и даже тысяч рублей.

Раньше казалось, что эти потери неизбежны. Молодые портовики решили сломать «традицию». Они присмотрелись к тому, что же рождает простоту. Выяснилось, что

НО ВЕЛЬ ПОТЕРИ — ЭТО И НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РЕЗЕРВЫ ПРОИЗВОДСТВА, И КОМСОМОЛЬЦЫ ВВОДЯТ ИХ В СТРОЙ. ТАК РОДИЛСЯ В ПОРТУ НОВЫЙ МЕТОД ПОГРУЗКИ И РАЗГРУЗКИ: «СУДНО — ВАГОН», ОН ЗНАЧИТЕЛЬНО СОКРАТИЛ ПРОСТОЙ СУДОВ И ВАГОНОВ. ИМЕНЬ ТАК И НАЗЫВАЮТСЯ СЕЙЧАС СУДНО «ДНЕПРОГРЭС», ДОСТАВИвшее сахар из дальней кубы.

МАСТЕР ВАСИЛЬЧИКОВ ДОВОЛЕН. ЕЩЕ БЫ ПЕТР ФРОЛОВ (справа) И ВЛАДИСЛАВ ЛАВРИНОВИЧ (в центре). ТОЛЬКО ЧТО ПОЗНАКОМИЛИ ЕГО С РАЗРАБОТАННОЙ ИМ НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЕЙ ПРОИЗВОДСТВА КОЛПАЧКОВ, КОТОРЫХ УВЕЛИЧИВАЕТ ВО МНОГО РАЗ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

одна из причин в том, что грузы подолгу залеживаются в порту, ожидая транспорт. Как не допустить этого? Комсомольцы предложили новинку. Она состоит в том, чтобы грузы и разгружать, как говорят здесь, «прямым вариантом»: «судно — вагон». Экономия получается немалая: на разгрузку каждого судна до двух тысяч рублей.

Крановщики, шоферы, железнодорожники взяли обязательство ежедневно выполнять норму на 150 процентов. Комсомольцы-порты разработали для рижской коммилскую колпачку 150 тысяч рублей, внедрить 50 рационализаторских предложений, собрать 25 тонн металломоловки.

А вот за какие дела взялись комсомольцы Рижского электрометаллопроводного завода. Они решили сдать в комсомольскую копилку 100 тысяч рублей, собрать 50 тонн металломоловки, внести рационализаторских предложений с общим экономическим эффектом 60 тысяч рублей.

Для изыскания резервов производственной активности создали специальное бюро. За счет внедрения новой технологии уже скопировано более полумиллиона рублей.

Комсомольцы собрали 93 тонны металломоловки вместо обещанных 50 тонн, изготовили электролампочек почти в два раза больше, чем планировалось. И все это за счет новаторских методов труда, сучем жесточайшей борьбы с потерями!

Своё боевое соревнование за экономию и бережливость молодежь республики посвящает XXII съезду КПСС.

ЭТИ ЛАМПОЧКИ СДЕЛАНЫ КОМСОМОЛЬЦАМИ РИЖСКОГО ЭЛЕКТРОМЕТАЛЛОПРОДОВОДНОГО ЗАВОДА ИЗ ЭСКОНОМЛЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ.

ОТВОД ОНИ, ПОТЕРИ! ЯЩИКИ С ЦЕННЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ ДАВНО ОЖИДАЮТ ОПРАВКИ...

БЕЛИНСКИЙ В МОСКВЕ

К 150-летию со дня рождения В. Г. Белинского

Cбылась мечта стольких лет! Он, сын уездного лекаря из далекого Чембарского уезда Тверской губернии, — карман его тужурка — «школьный», — мечтавший о табаке. Виссарион Белинский вспоминает события последних недель. Долгое, утомительное путешествие в древнюю столицу...

Гоголевская застава, потом Таганка, набережная Яузы и, наконец, Зарядье, где жили знакомые семьи Белинских.

«Сильно было у меня ретивое...» — писал Виссарион Григорьевич, — когда мы ташнились по «Москве-реке», запруженной баржами, санями, яхтами, Кремль, который возвышался перед нами. Шумные каники, говор наизусть, трек экипажей, высокий и чистый лес мачт с разевавшимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни, — все это вместе поразило меня...»

Вначале Белинскому повезло. Его принял в число «казенокошных» студентов, то есть студентов, воспитывавшихся на казенном счету. Можно было заниматься, не тратить на пропитание уроков. Белинский перебрался в студенческую общежитие.

В Московском университете рядом с молодыми людьми из высшего дворянского общества учились студенты-разночинцы, сыновья мелких чиновников, духовенства, торговцев, лекарей. По словам А. И. Гердена, в университете, «...как в общей резервуар вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев: в его залах они очищались от предрасудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, брались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее».

МОЛОДОЙ БЕЛИНСКИЙ. Акварель К. Горбунова (1838 г.).

В начале 30-х годов в Московском университете одновременно с Белинским учились такие замечательные люди, как А. И. Герцен, П. Огарев, Н. В. Станкевич и М. Ю. Лермонтов. Они и их друзья смело говорили о себе как «детях пехабристов», продолжателях их благородных идей, мечтавших действовать, мечтавшие бороться. «Мы были уверены, — писал Герцен, — что из этого аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней».

В доме Герцена собирался созданенный им и Огаревым кругом политического характера. На Малой Молчановке, в мезонине особняка, ступая на деревянную антично-поэтическую драму «Странник человека», в то время как другой студент, Виссарион Белинский, в 11-м номере общежития для «казенокошных» читал свою остросоциальную драму «Дмитрий Калинин».

Здесь, в заветном 11-м номере, вокруг Белинского образовалась один из самых ранних литературно-философских кружков России. Невинность к самодоверью, насилию и произволу, к крепостному праву волновала умы. В этой книжной атмосфере формировалось мировоззрение Белинского.

Одна из идей молодого Белинского, его стихия — «Дмитрий Калинин», запрещенная царьской цензурой, дано в Московском университете, наставляемой. Этот спектакль был организован особым надзором, и в сентябре 1832 года, придралась к пропуску занятий (Белинский долго болел), молодого вольнодумца исключили по «ограниченнос-ти способностей».

«Не могу понять только одного, — писал один из современников Виссариона Григорьевича, — как такой студент, как Белинский... признан был неспособным к слушанию университетских лекций и исключен из университета». Авторитет Белинского, его знания, трудоспособность оригинальный образ мыслей были широко известны в университете. Но начальство стремилось избавиться от неугодного студента.

Белинский поселился в деревенских меблированных комнатах Покровки. Дом этот есть и сейчас. В Рахмановском переулке, окруженный со всех сторон большими домами, доносится он свой звук. Это типичный двухэтажный «доходный» дом первой половины XIX века. В его каморках со слинним лет назад жили, трудились, страдали и умирали «бедные люди». Теряли зрение белошвейки, вскочили напролет гигант спину перепенчика, давали горшевые уроки учительница музыки. А внизу жили кузнецы, сапожники и столяры.

Комната Белинского никогда не запиралась, там как утром в усадьбе было много. Здесь великие мыслители, знатоки, работали один из замечательных русских людей. Здесь создавались его первые статьи, здесь проходила свою собственную школу мастерства будущий великий критик и революционер Виссарион Григорьевич Белинский.

Однажды друзья, желая помочь, предложили ему выгодное место секретаря у богача Полторацкого, беднодарящего литератора, мечтавшего печататься и рассчитывавшего на помощь талантливого бедняка. Но, быстро поняв, что от него хотят, и, не желая вступать в сделку с совестью, Белинский отказался от заманчивого благополучия.

По вечерам Белинский часто шел на Дмит-

ровку (теперь улица Пушкина), где в доме № 9/11 (не сохранился) жил один из известнейших его современников, тоже студент Московского университета, Николай Владимиевич Станкевич. В его доме собирался кружок философского направления.

С приходом Белинского в кабинете Станкевича заговорили о гордых понятиях равенства и братства, осуждали крепостное право, горячо обсуждали тему о необходимости свободы человека. Как пишет П. Плещеев, «Белинский... отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям».

...Он ездил и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось реторикой...»

Весной 1833 года Белинский поискал места с профессором Н. И. Надеждином, задателем одного из лучших московских журналов «Телескоп». Скоро знакомство превратилось в сотрудничество. На страницах «Телескопа» стали появляться переводы, рецензии и статьи Белинского. Они сразу обратили на себя внимание читающего общества. А когда Надеждин уехал на длительный срок из Москвы, Белинский стал фактически редактором журнала. Выпущенные Белинским в «Телескопе» первые опусы сделали журналистскую сестру, содружественницу. Улучшилось и материальное положение писателя. Теперь можно было подумать о скромной комнатке в тихой квартире, о человеческих условиях работы.

Такая комната нашлась в мезонине большого дома купца Варгина на Тверской (ныне улица Гоголя, д. 8, не сохранился). Здесь Белинский написал статью «Литературные мечтания — аллегия в прозе» — одно из своих лучших произведений. Статья была напечатана в газете «Молва». О Белинском забыли, забыли и времена, когда это чрезвычайное событие: русская литература обрела выдающегося критика, критика пре-дельно принципиального, готового горячо

Б. Г. БЕЛИНСКИЙ ЗА РАБОТОЙ. Из серии рисунков Б. Лебедева.

отстаивать свое мнение, критика объективистского, тонкого, смелого, честного трибуна. В 1835 году в «Молве» появилась статья Белинского «Гравюры Арабески и Мицгород», а в журнале «Телескоп» — статья «О русской повести и повестях Гоголя». В обеих работах Белинский высоко оценил творчество Гоголя как писателя-реалиста, как великого художника слова, как обличителя «глупой российской действительности».

25 мая 1836 года у подъезда Малого театра было необычайное оживление. В первый раз давали комедию Гоголя «Ревизор». О пьесе смыкались мнения. Стремясь к первому ее постановке в Амуро-Приамурском театре Петербурга, в партере в местах, за креслами златых театралов, сидел Белинский. Он был в восторге от пьесы и после каждого действия неистово аплодировал и кричал «браво», чем очень шокировал упорно мозгавший партнер. «С этой точки зрения...» — писала «Молва», — гляди на собирающуюся публику, прибройся на местечко между действительными и статскими советниками, извинись перед джентльменами, обладающими нескользкими тысячами душ... мы невольно думаем: «Что ли поверят ему, что он получает от насаждения видеть и настичь эти лица так для нас смишаные...» Так прошла эта премьера.

Глубокое понимание Белинским творчества Гоголя, высокая оценка «Ревизора» не могли не обратить на себя внимание Пушкина. В «Письме к издателю» поэт горячо отметил неизуatableй талант критика, выделив его из массы журналистов. В мае 1836 года, возвращавшись из Москвы, Пушкин писал П. В. Надсекину: «Я оставил тебе два портфолио экземпляров «Современника». Одни отдай ка Гагарину, а в другой пошли со мной Белинскому и воли сказать ему, что скажет Белинский».

Был в Москве еще один человек, разделенный мнением Белинского о Гоголе. Это М. С. Шелкин. В его уютном домике в Б. Спасском (теперь Каретном) переулке Белинский был принят, как близкий человек. Здесь, в обществе передовой интеллигенции и умной, ищущей молодежи, Белинский получил замечательных слушателей, здесь он мог высказываться до конца.

П. В. Анненков писал: «...Белинский был... смуглым московским типом: без его раздражющего слова, может быть, она сохранила бы более тот наружный вид изящного разномыслия..., который составлял ее отличие в первый период великой литературной распри... Белинский...ставил ежеминутно... на барьер своих московских друзей со своими врагами...»

* * *

В ноябре 1836 года Белинский возвратился из поместья Прехулинов, где гостил в семье родственников Бакунина. У бояршина он был установлен и препровожден в обер-полицмейстеру Москвы.

Оказалось, что за напечатание смелого «Философического письма» П. Я. Чадаева журнала «Телескоп» правительство закрыло, а его редактора профессора Надсекина отправило в ссылку.

Так Белинский сразу лишился и любмого дела и заработка. Снова начались лишения. Снова обездолен в трактире, казалась недоступной роскошью. Износился одеяния и обувь. Вернувшись из немодакии, постанный кипел.

Белинский все чаще и чаще стал думать о переезде в Петербург. Знакомство с петербургским литератором И. И. Панаевым в апреле 1839 года, который обещал кристику помочь устроиться в петербургских журналах, ускорило дело.

В октябре вместе с Панаевым Белинский выехал в Петербург. Перед ним открылась новая страница жизни. Молодость прошла. Ни сей не ушли ни страсти великого критика, ни его принципиальность, ни сила жажды.

Москву в своих московских друзьях Белинский никогда не забывал и постоянно стремился сюда вернуться. В самые последние годы, уже тяжело больной, Белинский писал: «Насчет переезда в Москву думать не перестаю...» (декабрь 1847 года).

Однако Москва так больше и не увидела великого человека...

Н. БЕРХОВСКАЯ,
научный сотрудник Государственного
литературного музея.

Константин ВАНШЕНКИН

ВЕЛИКИЙ СЛЕДОПЫТ

Полет проколот необыкновенный.
В нем поклонные мысли и труды.
Но что это? На тех путях Веселой
Видимы собак знакомые следы.

Здесь Белка шла, а это Стрелка рядом.
А вот следы их с новыми сдвигами,
Тут Звездочка смотрела добрым взглядом
На звезды, улетающие ввысы.

В начальный день космического века,
Как зримый знак домашнего тепла,—
Собака. Друг любимый человека!
Что ж, ты и здесь его не поддела!

Не зря же мы их умным подадим верим.
Они возвращаются первыми скада,
В бой с Космосом вступали, как со зверем,
И в этой скаде гибли иногда...

И вышел в путь
страны в ее тыщи лет,—
Прославивший ее на тыщи лет,—
Как следопыт великий, как охотник,
Идущий за собаками волед.

Николай ТАРАСЕНКО

ЭСКАЛАТОР

Народу столько вasselю,
и весь гадлынь, раслашется.
Мис по-мальчишни весело
спускаться вместе с лестницай.
Билет я в шарк скатаю,
кладу на гайду покатую,
и он бежит, подскакивая,
куда в жизнь богатую...

Как в перенаселенном
романе, что пылает,
с усложненным наложном
плюшевым полотно и лица —
мальчишни, девчонки —
без края пантонима.
Гляжу, листки листаю,
— мимо, мимо...

Взятое фантастико,
плывут Колумбы лунные,
зимонщики Антиграки
и юнги юные...

А мне бы так хотелось
повысирпить, повысматрить
про мухи их, про дерзость,—
раскладывать все жизни!
То, что смешно, ското,
соловья паззет в трубку,
и эти чай вломбажи
стоят мицом друг к другу,
а кто вон так красавица?
Студентка ли? Пневза?

Но лестница кончается,
долистана страница.

Я свою блестящий шарик
и, газами шарю: шаро!
тех шариков торопится
на балюстрade — ста!]
И сердиты борщица,
сметать не послевая...

«Давно созрела мысль пожертвовать собой, чтобы избежать смерти от страха», — уверяется в проповеди пророчество моей гадалки». Такими словами заканчивается письмо комсомольца Николая Бондаря из Кривого Рога в редакцию журнала «Смены».

Молодой рабочий-строитель уверен, что, написав им это письмо, он налечет на себя большое несчастье, на вскакивание из кошелька, может быть, даже умрет. Но он не мог терять надежды и надеялся на себя. Чем же эта тайна, находящаяся с которой человек не может оставаться, сохранение которой для него стало тяжелым самим страшного несчастья?

В один из летних дней 1950 года ученик ремесленного училища Коля Бондарь гулял по городу. Все в этот день складывалось для него неудачно: накануне не приготовили уроки в мастерской «запороть» детали и получил крепкий нагоняй от мастера. Вчера из училища, Коля старался забыть про неудачи.

Он беспечно наслаждался, загородив лицо со знакомыми ребятами. В этот момент ему и повстречалась женщина, перевернувшая всю его жизнь.

— Е, парень, ты на вид веселый, но это обманчивая веселость, на душе у тебя грустно.

Ремесленник был поражен. Откуда она узнала, что ему действительно было тогда нелегко?

Все, что произошло дальше, казалось еще более странным и неизвестным.

Тебе вскоре встретится человек, — продолжала незнакомка, — веселый, чернее твоих и ростом чуть повыше. Оласфис его. — В заключение разговора предупредила: — Ты проживешь 72 года, но никому не расскажешь этой истории, иначе останешься калекой на всю жизнь.

Николаю и так было грустно, а тут еще эта женщина с мрачными пророчествами! Настроение было окончательно испорчено.

...Через две недели пришли долгожданные каникулы, и Николай Бондарь поехал домой, к родителям.

В новом знакомстве занимавшиеся легко, бывало, что люди за сутки пути становятся чуть ли не друзьями. Подружился и Коля с соседом-попугачком, молодым, веселым человеком с черными, как смоль, волосами, высокого роста. Новый друг дружок сопеш с поездом начиная, когда Коля спал. А утром парень обнаружил пропажу своего нового пиджака. Сомнений не оставалось: его украли попугачи. Коля был уверен, что он высокий. И тут мальчика засомневали: ведь меня же предупреждали! Ведь мне это предсказывали!

— Значит, гадалка права, и первое предсказание сбылось. Теперь надо ждать второго: если проговорюсь об этой тайне — буду калекой!

«Хотя сейчас мечтать уже 26 лет и я комсомолец, meis все время мучает страх, не хочу остаться калекой, потому ничего не говорю ни друзьям, ни знакомым. Боясь».

Человек и лягушка

Л. ЗАВЕЛЕВ

(ОБЗОР ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ)

И СНОВА КРИЧИТ ЛЯГУШКА

Семьи Кучеренковых переехала в город Энгельс в годы войны. Время было трудное, и помочь пришлося ютиться на разных квартирах. Но после окончания войны завод предоставил семье кадрового рабочего хорошую квартиру в панельке имени Урицкого. Но к сожалению, боязливый родильный дом Кучеренковым радость она не принесла.

Скоро после переселения заболел маленький сын; врачи не могли спасти его жизни.

Пятидесятать лет живет Кучеренков в новой квартире, и за это время дважды отозвался он в больницу свою среднюю dochь, болела и маленькая. А недавно сам ходил к врачу, и врач, не начиня остройкой себе большой пальц на голову, сказал:

«Жена меня убеждает, — пишет нам Кучеренков, — что о каждом несчастье нас извещает лягушка. Вначале я не поверил, затем убедился: правда, кричит, проклятия, по ночам. И постыдил каждого ее крик какое-нибудь несчастье приходит в дом. Я говорю же, что это совпадение, одно и то же обстоятельство. Недавно пропричала лягушка — я отрубил себе палец, и вот теперь сижу дома на болоте, присущийся: опять она кричит, не только ночью, но даже днем. Жена говорит: «Жди, опять какое-нибудь горе будет». Я сам начинаю в это верить...»

«КАРТЫ НИКОГДА НЕ ВРУПЬ»

«Дорогая редакция, очень прошу ответить мне и посоветовать, что делать.

Я встречаюсь с одним молодым человеком, мы очень любим

друг друга, но его мать не разрешает нам быть вместе. Как мы были счастливы в тот день, когда договорились соединить свою жизнь, мы думали, что счастливее нас нет никого! Но радость наши и счастье оказались преждевременными. Егда мать пошла гадать: узнать, будет ли наш брак приводить к счастью или нет, — моя мама, которая всегда отвечала отрицательно. Гадалка решила напомнить судьбу. Мать поверила ей, а не нам с сыном

«Ну и пусть ты будешь несчастна с другой, а с этой (то есть со мной) тебе не жить. Карты никогда не врут!».

Никакие уговоры и доводы на мат не действуют. Как нам поступить?

Татарская ССР, город Курган-Тобольск. Хлопко-очистительный маслобойный комбинат. Приникша в конце письма: «Если будете печатать письмо, не называйте мою фамилию».

«ТВОЯ СУДЬБА ПРЕДОПРЕДЕЛЕНА»

Шли в разведку два солдата. Шли медленно, осторожно, стираясь ни одним звуком не выдать себя врагу. И здруг зарычали... Вражеская минометная оборвала жизнь отважного разведчика. А другой, поклонившись, начал плакать по полю, заминированному гаттерапами. Он один выптолил боевой приказ: разведенаги огневые точки противника, захватив «язмы» и вернувшись к своим тем же путем, через заминированное поле.

— Всю войну я был разведчиком, даже не упомню, сколько раз в разведку ходил, сколько минных полей истроптал, и ни ра-

зу не был ранен, даже царапины не получил. Значит, моя судьба другая предназначена. Нет, что ни говорите, а судьба есть, от нее не уйдешь.

Разговор этот происходил в куле поезда. Его слышал пассажир, комсомолец Е. Ермолаев из башкирской деревни Бир-Тамак, Бийского района. Ермолаев не верит в судьбу, он выражал рассказчику.

Что нам с тобой спорить, — решил Ермолаев, — большая разница, — даже такой великий писатель, как Михаил Шолохов, называл свою рассказ «Судьба человека». Понимаешь, судьба?

«Так я и не смог как следует объяснить своему собеседнику, что судьба нет, что он не прав. Обращаюсь за консультацией. Выступите на страницах «Смены» со статьей, разоблачающей этот предрасудок», — писал нам Н. Ермолаев.

«ЧЕЛОВЕК — КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ»

Однинадцать лет молчного человека душит страх, пятнадцать лет семи старого рабочего живет в тревоге, с ужасом ожидал очередного крика лягушки. Пинокая дама и туя черной масти разбили счастье и любовь двух хороших молодых людей. Это наши товарищи, они живут рядом с нами, как и мы, они радиусом известны о запуске советской ракеты, о выходе великого Советского Союза из поднождающей путь человеку на другие планеты, как и мы, гордятся успехами своей Родины, своего завода, колхоза. Но их радость нередко омрачается неслыханным убеждением в том, что ихличная жизнь зависит от каких-то сверхъестественных сил, подчиняется какой-то неумолимой судьбе.

Сколько тревог, мучений или, наоборот, больших надежд связывают многих людей с судьбами тех, кто они. Могут ли определить ее значения? Человек преуспевает в жизни — значит, у него судьба счастливая. Человек не достоин поставленной цели — значит, не судьба. От судьбы не уйдешь, она определяет все, что человеку «на роду написано». Кто не знаком с такими выражениями? Но вы заметили, что никогда люди, даже славные, не судьбу, не руководствовались в своих действиями «предписаньями выше»? Человек никогда не пойдет бесмысленно насторожу опасности, он постараётся избежать ее. А казалось бы, зачем? Ведь от судьбы не уйдешь! Если человеку не судено погибнуть, скажем, от огня, то он и не погибнет. Зачем же бежать из горящего дома? Ни у кого из людей, которые убегают из горящего дома, не было к своему спасению. Здравый смысл, разум человека никого сколько-либо слепой веры в «погусторонние предзначествия».

Каждый знает, что энергичные, деятельные, образованные люди быстрее добиваются цели, которую перед собой ставят, чем люди инертные, пассивные. А если цель правильна, если общество, в котором ты живешь, справедливо устроено (а именно таким и является советское социалистическое общество), то всем

людям и каждому отдаленному человеку открывается поистине безграничные возможности. Недаром народная мудрость противопоставила рабской идеи покорности судьбе другую, геройскую идею: человек — кузнец своего счастья.

Посмотрите, друзья, вокруг себя. Сколько здоровых, счастливых, преуспевающих людей живет в нашей стране! Новаторы производства, передовые колхозники, ученые — все они люди настоящего очарования. И с каждым днем таких людей становится все больше. Уже сейчас их подавляющее большинство в народе. Что же определило их успехах, удаче, счастье в жизни? Труд. Труд на пользу общества, содержащий в себе и творческий, он раскрывает заложенные в человеке способности, обес печивает личный достаток, дает им уверенность в будущем. Значит, от самих людей, а не от какой-то неведомой судьбы зависят их счастье, будущее. Значит, независимо бояться «потусторонних сил». Встретил трудность — борись, преодолей ее, и ты дешевлеешь успеха, а под лежачий камень и вода не течет.

Все это, взятое нашею, напоминает, И. Бондарь и собеседник Е. Ермолова. Но разве это единственный путь к счастью? Разве в одних и тех же обстоятельствах результаты всегда одинаковы? По минимуму полюшили две, а ноги только один. Сколько еще таких случаев можно привести! Так же все-таки есть судьбы, на которых нет нет?

Слово «судьба» имеет очень много значений. Наиболее распространенным, издавна существующим является религиозно-мистическое понимание этого слова, согласно которому судьба — это власть божества или другой потусторонней силы, предопределенная ими, что совершаются в жизни все.

Понимание этого непримыкающее, искаженное. Оно исходит из ошибочного вида людей на мир, на веру в существование сверхъестественных сил.

Вера эта возникала тогда, когда люди находились еще на нижней ступени своего развития. Жизнь стихийных явлениями природы: грозами, бурами, лесными пожарами, — которые грозили им многочисленными бедствиями, даже гибелью. Не умел объяснять такие явления, люди стали приписывать им их действия, хотели видеть в них добрую в зависимост и от вреда или полезности для человека тога или иного явления природы. Постепенно процесс «духотворения» приводил распространение на все окружающее. Первобытный человек думал, что во всем, в любой вещи, в любом предмете, живет дух: он-то любы и управляет этой вещью, бережет ее, но может и погубить по своей воле.

Мифология, фольклор, наука, практика жизни давно уже развеяли нелепые представления дикаря о силах, управляющих природой, жизни и деятельностью людей. Наука доказала, что в мире нет и не может быть никаких сверхъестественных сил, что он существует и развивается по своим собственным естественным законам. Мир материален, он никем не сотворен, ни в ка-

ком вмешательстве потусторонних сил не нуждается.

Подавляющее большинство людей в нашей стране перестало верить в судьбу, в ее неизбежность. Но это неизбежность, как это было, хотя коренным образом изменилось его значение. Теперь судьба пришло обозначать жизненный путь человека, историю общества, государства. Когда мы говорим о судьбе судьбы того или иного человека, мы имеем в виду его большие способности, книжную энергию, глубокую убежденность в правоте своего дела, в том, что он делает. А некоторые революционеры образом винят на жизнь человека, обеспечивают ему уважение коллектива, успех в работе, умение преодолевать любые трудности.

Только так и надо понимать историю большой и трудной жизни Андрея Соколова, рассказанную Михаилом Шолоховым в «Судьбе человека». Только в этом, истинном смысле использовалась для названия рассказа слово «судьба» наш великий писатель.

«НЕЧИСТАЯ СИЛА» СУЕВЕРИЙ

Таинственное манит человека. Он все хочет раскрыть, узнать, объяснить. И прежде всего, конечно, «тайну» собственной жизни. Как сложится моя жизнь, что будет со мной в будущем? Нет человека, который бы не задумывался над этим.

Предвидение имеет огромное значение в жизни общества, государства. Марксизм-ленинизм научил людей смотреть далеко вперед, предвидеть не только ближайшее, но и отдаленные результаты общественного развития. Партия коммунистов, поднимая народ на социалистическую революцию, указала в точную цель — коммунизм. И с каждого шага она становилась все более поддающейся веянию. Начиная выполнение семипланового плана, мы точно знали, чего мы достигнем за эти годы.

Предвидение будущего, близкого и далекого, в масштабе государства и даже всего человечества стало возможным потому, что марксизм-ленинизм раскрыл законы общественного развития. Знание этих объективных, материальных законов позволяет нам предвидеть не только пути развития общества, но и те трудности, которые встретятся на этом пути.

Но это об обществе в целом. Иное дело — отдельный человек. Конечно, жизнь каждого человека зависит от общественных условий, в которых он живет. Благоприятные общественные условия создают наилучшие возможности для жизни и развития каждого члена общества. Но все же полностью предвидеть, предсказать, как сложится жизнь каждого человека, нельзя. Дело в том, что для этого необходимо не только необходимость, то есть закономерно обусловленные, а потому неизрватимые явления, но и случайность, то есть явления незакономерные, исклучительные. Люди, верящие в судьбу, не видят различий между случайностью и необходимостью. Они все, что с ними происходит, считают необходимым и потому неизрватимым, неизбежным.

На жизнь и развитие общества

в целом на каждого отдельного человека, на каждого, каждого — мудрости и случайности. Но это вполне различно. Никакие случайности, как бы много их ни было, не могут предотвратить действия необходимости, закономерности в развитии общества. Они могут лишь задержать или ускорить это развитие. Но в жизни отдельного человека случай может сыграть губительную роль. Человек попал под машину. Это несчастный случай. Он не вызван никакими необходимостями, случайностью. Но машина была избежана, будто человек остроумен, будто шефер опытнее и смотрительнее. А между тем этот несчастный случай может обрасти жизнь человека, может сделать его ялкой.

Можно ли предвидеть, предсказать такие несчастные случаи? Современный образованный человек хорошо знает, что это невозможно. Но суеверные люди считают, что если это неизбежно, то можно проникнуть в него. Всюю силу.

Всюю силу гадальщика, колдуна исходит из наивного убеждения, что подобное вызывает подобное. Если линия на ладони руки длинная — проживешь долго, короткая — скоро умрешь, линия глубокая — человек умный, глубокий, если игральная карта «турник» легла острием вниз — удар, смерть и так далее. Древняя магия исходила из внешнего подобия самих явлений и производило установление связи между ними интуитивно, а не на основе каких-либо связей, хотя на деле такой связи нет и существовать она не может.

Некоторые люди до сих пор думают, что азартные игры не обходятся без вмешательства сверхъестественных сил. Не зевают в картах, — значит, везет в любви, утешает себя пророчеством картины. Ворожбы, гадания, азартные игры — склонны к тому, чтобы обмануть собой по принципу, что и в том и в другом случае употребляются один и те же орудия (например, игральные карты, кости, рулетка). Все магия, колдовки, ворожки — самые обычные люди. Правда, многие из них очень наблюдательны, озорки, а некоторые — прекрасные психологи, обладающие неизулуарной способностью внушения. Всегда со своей жертвой, колдуном, на судьбу которой он обладает. Проникающие руки, двусмысленная речь человека, принадлежащего к колдунам, очень часто помогают раскрытию его тайн еще до того, как предсказатель приступает к своим магическим действиям. Согласитесь, что после такой «беседы» совсем не трудно угадать мысли своей жертвы и вы сказать «пророчество». Суеверные люди убеждены, что пророчество предсказывает будущее, и мало восхищаясь в его сознании это убеждение, иногда могут убить своего пациента этой мыслью, словно материальным оружием.

Но, как правило, предсказания никогда не сбываются. Бывают, конечно, случаи совпадений, когда предсказанное гадальщиком через некоторое время действительно происходит в жизни. Таких случаев немного, но они запоминаются людьми, укрепляют их веру в магическую силу. Память человека избирательна, она фиксирует, сохраняет то, что производит на него наибольшее впечатление, отсекая, отбрасывая

то, что он считает несущественным, ненужным. Если проверить любой случай «удачного» гадания, мы убедимся, что он произошел по естественным причинам, выдаваемым за сверхъестественные, пророческие. Николая Бондаря поразило, почему гадалка сразу же узнала, что ему «не везло», хотя он и старался это скрыть. Но что же здесь удивительного? Опытный человек всегда сумеет разобраться в поведении другого человека, определить, что с ним произошло, притвориться досадой. Второе «пророческое» было высказано в самой неопределенной форме: опасалась высокого, черноволосого, веселого человека. Чего надо опасаться? Что он может сделать плохого, этого, конечно, гадалка не скажала да и не могла сказать. А мало ли в жизни мы встречаем высоких, черноволосых и веселых людей? И если хоть один из них когда-нибудь пронесет малейшую испарину, то предсказание гадальщицы считается осуществленным. Да, нетрудно сыграть пророком среди суеверных и доверчивых людей!

Очень распространенным, но также нелемпом поверьем является вера в магическое значение криков различных животных. Крики совы — предвестник несчастья. Стук и глухой шум под полом — предзнаменование близкой смерти. Быт собаки — тоже «пророчество». Собака предупреждает людям и каркает воронам. С давних пор существует поверье, что этот шум, крики (и в том числе крик лягушки под полом) поднимают духи человеческой души, вернувшиеся на землю, чтобы тревожить своих обидчиков.

Такое поверье — результат самых начальных, примитивных форм человеческой культуры. Задолго до гадалки на игрушечных картах, суеверные люди объединяли разнородные явления, ничего общего друг с другом не имеющие.

Медицина известна такому заболеванию — невроз на почве страха, навязчивый страх. Человек боится того, чего он не знает, хотя никаких разумных оснований бояться нет. Это болезнь серебряная (И. Бондарь, чтобы избавиться от страха, даже решил «пожертвовать собою»), но излечимая. Помимо медицинских методов, еще раз убеждает нас в том, насколько нелепы и вредны суеверия и религиозная мистика.

Вся наша жизнь показывает, что люди — сами хозяева своей судьбы, что религиозные предрассудки и суеверия не должны быть места в нашем обществе!

НА ПУТЬ К ЭКРАНУ

Обсуждаем статью Аи. Ромова о подготовке молодых киноактеров, опубликованную в "Смене" № 9.

СОВЕСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Хорошо, что на страницах печати подняли долгожданный разговор о судьбах молодых актеров из наших студий. Это разговор обособленный, поскольку касается не только тех, кто ограничится одними разговорами, что будут принять какие-то конкретные, действенные меры.

Да, нам трудно. Нам трудно в нашей повседневной, будничной работе, а ведь именно в результате этой работы рождается то, что принято называть актерским мастерством и что так много значит для нас, киноактеров.

Мне хотелось бы сказать о том, что мешает нам в этом деле — это ГИТИС.

Прежде всего — это неправильная и, на мой взгляд, даже порочная практика совместной творческой учебной работы студентов-актеров и режиссеров по ВГИКу, практика «объединенных мастерских». Если студенты-режиссеры в таких мастерских получают и необходимую практику, используя нас, актеров, и должное внимание и опеку мастеров-преподавателей (это естественно, потому что «объединенные мастера» ведутся как правило, режиссерами), то студенты-актеры находятся в них на положении бедных родственников. Задачи, стоящие перед актерским мастерством оторваны от второй плана, перед задачами воспитания мастерства рожискерского.

А кто занимается с нами в этих мастерских? Мастер? Нет! С нами в основном ведут работу... наши же однокашники, студенты-режиссеры, которых еще самим надо учиться и учиться. Справивается: где, у кого, у каких мастеров-актеров могут учиться и я мон товариши? Многому ли можно научить my сокурсник, не имеющий ни жизненного опыта, ни необходимых знаний, ни мастерства? А настоящих, опытных актеров-пре-

подавателей, за исключением Тамары Федоровны Макаровой, на нашем институте нет. Нельзя винить и руководителей мастерских, режиссеров, в частности, любимого нами Михаила Ильича Ромма: ведь он руководил подготовкой студентов-режиссеров, естественно, боясь его спорта.

Чтитатели, что возникновение таких «объединенных мастерских» объясняется отсутствием в институте опытных мастеров-кинокритиков. А ведь когда-то во ВГИКе подготовкой актеров занимались такие мастера, как Плыгин, Бабиков, Вазин и другие. Мы знаем, что тогда подготовка студентов-актеров удавалась гораздо больше внимания и выше была уровень актерского мастерства студентов.

Где вы, большие мастера? Вы нужны нам, молодым, начинающим кинокритикам! Почему в театре курсов нет «звезды первой величины», как Минусова, Орлова, Топорков, Масальский, Панченко, Амбарская, а у нас их нет? Получается, что ВГИК «боксует проклена» и до нас, кинокритиков, никому дела нет!

Не удивительно, что к студентам ВГИКа относятся с некоторым недоверием и предпочитают им студентов театральных вузов и при поступлении в театр и даже при проблемах не участие в кинокартинах!

При сегодняшнем уровне подготовки актеров во ВГИК мы ничего и надеяться, что нас примут в театр не будем. А ведь далеко не все окончавшие ВГИК бывают иметь работу на киностудиях.

Все эти вопросы нас, третьекурсников ВГИКА, очень и очень волнуют, будем уже сейчас. Неужели ничего нельзя сделать?

Мне хотелось бы, чтобы актер кончал наш институт, если можно так сказать, с чистой творческой совестью, чтобы он в полный голос мог заявить о себе как кинокритик, как художник.

Людмила МАРЧЕНКО,
студентка ВГИКА.

Что такое специфика?

Я хочу начать с парадокса: киноакт...стует... не является институтом кино! Вернее, киноактерский факультет на самом деле является не киноактерской факультетом. Да, с нами ведется учебная рабо...та, но чем она отличается, скажем, от такой же учебной работы со студентами театрализованных вузов? Только разве качеством: если сравнивать качество работы со студентами-актерами у нас и в театральных вузах и студиях, то сравнение явно не в пользу ВГИКа.

Говорят, что наше студенчество большое любители киноискусства. Да, это так. Мы все любим кино, считаем работу актера в кино подиумом, тяжелым, но благородным трудом. Но любить — это еще не все. Надо уметь работать, а об этом, к сожалению, у нас в институте подчас забывают.

Нет на нашем факультете ощущения с спецификой киноискусства, нет четкого понимания того, что мы актеры именно кино, а не театра. А разве кино разновидность театра? Актриса-концертная всегда испытывает именование своей языка, своих законов, своих исполнителей.

Если подготовка студентов-киноактеров резко отличается, скажем, от подготовки режиссеров в ГИТИСе, а подготовка студентов-сценаристов от подготовки студентов Литературного института, то наш факультет, увы, в настоящем смысле является уходящим концептуальным вузом кино.

На один из двух ролей, сгенерированных кино, я, убеждаюсь: специфику киноискусства нам, студентам ВГИКа, приходится познавать уже на производстве. Правильно ли это? Мне думается, было бы гораздо лучше, если бы и особенности кинопроизводства и специфику работы актера в кино мы узнавали во ВГИКе — единственном специфическом вузе кино.

Нина МАГЕР,
студентка ВГИКА.

И ВГИК, и киностудия

Скажу честно, вопрос о молодых киноактерах сейчас весьма наболевший и злободневный. Мы, студенты ВГИКа, давно ждем большого и серьезного разговора, который поднял журнал «Смена».

Давайте недостатков в учебной работе ВГИКА хотя отыграйтесь. На кинокарьерном отделении мало, до одиозного мало съемочных работ. Нас учат сниматься и... не снимают. На первом курсе не производится ни одной съемочной работы для студентов-киноактеров. На втором таких работ всего одна: маленький отрезок пленки в 120 метров. Не лучше положение и на третьем курсе. Здесь за весь год на съемочных работах студента-киноактера выдаются всего две тренировочные картины, то есть одна часть полнометражной картины. Да и эта часть дается не на одном студента. Он вынужден делить ее со своими товарищами по курсу.

Не удивительно, что когда студенты приходят на киностудию, они нередко теряются. Навыков, умения работать с оператором, работать перед киноаппаратом в институте мы не получаем.

Мне хочется сказать также и о недостатках работы с молодыми актерами на киностудии.

Допустим, актер снялся в фильме, первом самостоятельном фильме в его жизни. И фильм этот завоевал успех. Об акте-

ре заговорили. И тут же с удивительной быстротой его засыпают предложенийами участвовать в съемках новых фильмов.

Ну что же, может быть, беды особой в этом нет. Плохо то, что такие предложения, как правило, исходят от режиссеров, которые возлагают больше надежд на молодого киноактера, чем на сценарий. Мол, актер имел успех, он «верная лошадка», вывезет. Сценарий откровенно слаб, зато гений молод и популярен.

Этим молодому актеру оказывается медвежья услуга. Он обрече на неудачу в последствии фильме, а участие в фильме, где там неожиданно все надежды возлагаются на него, на его типаж, толкает его к штамповкам, к симпатичности, к тому, что самый страшный бич, а ведь в большинстве случаев умы молодого киноактера в первом фильме — заслуга не его самого, а хорошего сценария и талантливой режиссуры.

Молодому труду отказаться от предложений сниматься. Скажут, что зазнания. И очень часто он вынужден давать согласие на участие в заведомо плохом фильме.

Мне кажется, немалую помощь здесь могут оказать сценаристы, которым необходимо уже при создании сценария иметь в виду кандидатуры исполнителей будущего фильма. Мне кажется, никто не станет возражать, что в этом случае результат будет наилучшим.

Владимир ИВАШОВ,
студент ВГИКА.

ИСКАТЬ ПУТЬ В ИСКУССТВЕ

Я согласен со статьей Аль. Ромова «На путях к экрану», опубликованной в журнале «Смена» № 9. Автором поднята давно наболевшая вопрос о том, каким верным путем к решению одной из самых важных проблем нашего киноискусства — проблеме молодого киноактера.

Действительно, сейчас положение с молодыми киноактерами и особенно молодыми киноактрисами обострилось совсем плохо. Актеры для того, чтобы полностью использовать свой талант, полностью отдать себя работе в кинематографии, должны еще до окончания ВГИКа. Ведь молодость для кино — качества незаменимые. Этот непреложный закон киноискусства, по существу, не учитывается при подготовке актеров кино. Такое положение привело к печальным последствиям: срочно работают киноактрисы, после окончания института коротко. Это, конечно, в меньшей степени относится к актрам, как характерные, но зато чрезвычайно интересные героини.

Как исправить положение? Вопрос не простой. Я поддерживаю идею создания киноактерского среднего учебного заведения, которое бы давало кинакомику в 18—19 лет. Но прежде чем создавать такое среднее учебное заведение, необходимо подумать о создании специальных направлений в средних школах, таких, как существующие у нас музыкальные балетные художественные.

О другой стороне, трудно предъявлять аргументы и ВГИКу. Это — высшее учебное заведение, дающее актеру высшее образование. В нем,

как и во всяком вузе, существует сложная и разнообразная программа, в которой актерское мастерство занимает лишь определенную часть. Студенты младших курсов, проходящие синхронные съемки в картинах, изучают актерское как искусство на много месяцев. Естественно, что это не позволяет им выполнять свою студенческую обязанность, и мы, педагоги ВГИКа, вынуждены оставлять их на второй год.

Я не только кинорежиссер, но также руководитель творческой мастерской ВГИКа. Скажу, что для меня как педагога участие моего студента в картине хорошего мастера — привилегия, как и для каждого режиссера в этом. Участие в такой картине может занести студенту учебную работу по актерскому мастерству в институте. Но ведь не только один я отвечаю за подготовку студента-актера, за него отвечают еще коллеги кафедры! Их работы съемка заменить не может.

Я согласен с тем, что необходимо сократить общебюджетную творческую нагрузку студентов киноактерского института. Но существующие дисциплины нельзя ликвидировать полностью!

Есть еще одно «но», встающее перед педагогом в тех случаях, когда студент уходит на съемку. Не всегда молодой киноактер попадает в руки хорошего мастера, не всегда работа на производстве органически развивается его дарование. Иногда, наоборот, у него появляются ранние шимши, он начинает использовать свой талант.

Не редки случаи, когда участие отдельных студентов в съемках наносит определенный вред дисциплине остальных участников творческой мастерской. Студенты начинают смо-

треть на учебную работу в институте, как на второстепенное дело.

Сейчас во ВГИКе дебатируется вопрос о перестройке системы воспитания актеров. Я полагаю, что необходимо в эпоху опыта в ближайшее же время параллельно с существующими вузовскими мастерскими организовать и мастерские типа актерских техникумов.

Однако создание специального учебного заведения для подготовки киноактеров ни в коем случае не должно предполагать ликвидацию киноинститута. Надо помнить о том, что мы не имеем права лишать будущих киноактеров возможности получать высшее актерское образование.

В заключение хочется сказать еще об одном. Не может не вызвать серьезной тревоги то обстоятельство, что после ВГИКа судьбы молодых киноактеров зачастую складываются не лучшим образом.

По сути дела, мы, педагоги ВГИКа и кинорежиссеры, не несем никаких обязательств перед студентами. Молодой человек пять лет учится в киноинституте, получает диплом артиста кино и идет работать... в театр! Разве для этого он обучался во ВГИКе киноактерскому мастерству?

Надо корни менять такое положение. Любой из нас, работников киноискусства, должен чувствовать за честь и достоинство судьбы каждого талантливого паренька, каждого девушки, ежедневно приходящих в наше любимое искусство, готовых наслаждаться с ним своей жизнью. Мы должны сделать так, чтобы каждый из них смог найти верный, честный, принципиальный, свой путь в искусстве. Чтобы никоиду не испытывал он разочарования и в себе и в нашем общем творчестве.

Михаил РОММА,
народный артист СССР,
кинорежиссер.

ДЕБЮТЫ МОЛОДЫХ

ИННА ГУЛАЯ

Громко звонит тугой резиновый мяч, ударяясь о стену. Движения девочки легки и небрежны. Оля еще не вышла из того беззаботного и счастливого возраста, когда жизнь кажется удивительно радостной и простой. Она по-юношески угловата и нескладна. Ясные, широко открытые глаза Оли смотрят на окружающий яркий мир прямо и сердито.

К своей первой полулетской любви она относится так значительно, чисто и трепетно, как можно относиться только в шестнадцать лет. Но любовь не приносит радости Оле, вместе с этой любовью кончился ее детство. Человек, которого она полюбила, оказался сектантом. Такова героянина молодой актрисы Инны Гулай в фильме «Туши над Береславом».

Попав впервые к сцене, Оля сначала испытывает страх, беспомощность, но постепенно окружина, как ей кажется, всеобщая любовь и лаской, она привыкает к их существованию.

Инна Гулай незаметными, незначительными штрихами показывает внутреннее рождение своей геройни. Ольга вдруг становится старше, строже, темный платок покрыл ее волосы, глаза смотрят тревожно, мучительно и в то же время сурово, что-то сковала ее еще в детской физуре, казалось, огромная тяжесть легла на ее плечи. Но в детском юном беззаботстве Оля ее называли торчашкой, узбымка, узбымкой. Давно ли она буднично и весело приговаривала через лужи, бегала на партеронки с подругами? Нет, сейчас по улице шел другой человек, с сурово скоженными губами и скорбным, потухшим, отсутствующим взором.

Юная актриса скромны, лаконичны, но очень выразительными средствами характеризует свою геройни. Одна сцена следует за другой: Олю заставляют каляться и молиться, и каляться и каляться. Впечатляющая, нервная девочка доведена симптомами до неврастении, каждое движение кончается нервным приступом истерии.

Напыщенное драматическое напряжение передает Гулай в сцене расплаты Ольги на кресте. Сектанты решили принести ее в жертву.

и приобщить к лицу святых. В этой сцене совсем еще неопытная актриса раскрывает подлинную трагедию своей геройни. Судьба этой девочки потрясает зрителя суровой и горькой правдой жизни.

Ольга остается жива. Ее спасли те люди, которые пришли ей всегда чужими и равнодушными.

Работая над ролью Оли в фильме «Туши над Береславом», Инна стремилась к логически спарадить все поступки своей героини.

— Из казалось ли вам странным, — спрашиваем мы Инну, — что советская девочка, комсомолка, ученица старших классов, воспитывающаяся в атеистической интеллигентной семье, вдруг обратилась к вере и стала сектанткой? Как вы внутренне опредали ее поступок?

Мне кажется, что это вполне возможно. Оля переживала трудное время, она росла с одиноким отцом, which was killed. Девушка разочаровалась в своей любимой учительнице, директор школы — ограниченнный и бес-tактный человек — высмеял перед всем классом ее первую и чистую любовь. Ольга отстриглась от комсомольской работы, все отвернулись от нее. Чувство горького одиночества и сбоя в ее чувствах охватило Олю. Никому из ее друзей не удалось ее утешить. Оля переживала ее привычку, ее взгляды, ее привычку смотреть на мир с одиноко-ностью и беспомощностью. Только такое душевное состояние, в любви могли только Олю. Оно к сектантке. Для меня такая ситуация была неудивительна.

Инна Гулай 19 лет. Она учащаяся студии при Центральном детском театре. Всего два года назад она окончила школу.

Э. ТАДЕ

НА ПУТИ К ЭКРАНУ

БУДЬ ГТОВ К неожиданному

С. ГРОМОВ,
Л. ЖУХОВИЦКИЙ

РАССКАЗ ВОЕННОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

ВОЗЬМИ ДЕЛО, АЛЕША

Идет снег, может быть, последний снег первой военной зимы. Начался утром и все идет, идет.

Он засыпал трупы на «кинейной земле», и эта узкая, изрытая воронками полоска степи между передним краем наших и немецких окопов сразу стала похожа на мирное деревенское поле.

Лучшего сапера он заменировал минные поля, колпаки дото — Саша пахал сапером, сажаясь в разрушенном шахтерском поселке, и в который уже раз выполнял работу отсутствующих козеек: побелила — овьюнили стены брошенных мазанок.

Снег идет... Вестовой прокуратуры стрелковой дивизии наглухо закрывает окна дощатыми щитами и замигает лампу-молнию. Огонь арко освещает тесноватую комнату, и сразу в ней становится тепло и по-домашнему уютно.

Военный прокурор дивизии — майор юстиции Прут что-то записывает в свой блокнот, нагнувшись над обшарпанным канцелярским столом. В молодости Прут был портовым грузчиком в Одессе. Видимо, этому и обязан он своими широкими плечами и спокойным управством человека, привыкшего носить тяжелые ящики по узкому трапу...

По роду своей работы прокурор должен обладать безотказной памятью. Он должен помнить, по чьей именно вине на передовую два дня

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО.

подвозили холодные щи, должен помнить жалобу авиационного техника, по ошибке направленного в пехоту, и просьбу связиста, с ма-терью которого несправедливо обошлись где-то в призыщском рай-центре.

А Пртур уже под пятьдесят, память у него неважная, поэтому он и не расстается с блокнотом.

Угуль, пристосившись к шаткому сооружению из фанерных ящи-ков, играют в шахматы два капитана юстиции, два военных следите-ля — долговязый балагур Клименко и коренастый, молчаливый Руба-кин.

— Алешина — зовет Клименко, — идтика сюда, помогай слабаку.

Алешина — это я, третий военный следователь прокуратуры, лейте-нант юстиции Алексей Кретов.

Подхожу к нему. Действительно, дела Рубакина плохи. Король его сумело мечтать по центру доски, между рядами своих и чужих пешек. Притягнувшись ему негде. Mat неизбежен.

— Теперь тебе самое время либо сдаваться, либо ладью воро-ваться — подзодывает противник Клименко.

Рубакин вздыхает, покачивает головой и делает отчаянный ход — жертвует последнюю фигуру слона.

Собственно говоря, слона нет, он пропал без вести во время одно-го из наших бесчисленных боев, и роль его успешно исполняет петроградский выигрышный патрон.

— Товарищ! Одну минуту назад! — неожиданно раздается высокий скрипучий голос. — Вы можете себе представить нечто подобное!

Мы оборачиваемся. Начальник нашей канцелярии, старший лейте-нант юстиции Гельтур, расположившийся в плетеном кресле у жарко напопленной печки, заслоняя размазавшейся фронтовой газетой.

Гельтур — личность в воинской части настолько необычная, что о нем стоит рассказать подробнее.

В мирное время он славился среди киевских адвокатов фантастиче-ским крючкотворством. Уголовный кодекс он сейчас декламирует на память, как стихи, и, честное слово, с не меньшим чувством.

Из работников нашей прокуратуры он самое старшее по возрасту, но года свое от посторонних умел скрывать. Идеальный «диалогомет-ческий» прибор, чаплинские усы и каштановые для ногтей...

Из всех штатских достоинств Гельтура на фронте приходилась лишь его педагогическая аккуратность: переписка и наши архивы всегда в полном порядке.

— Вы можете представить себе нечто подобное? — повторяет Гельтур.

Убедившись по нашим лицам, что ничего подобного мы предста-вить не можем, объясняет:

— Мальчишка, обыкновенный пехотный лейтенант, подорвал три танка!

Он читает заметку от начальника до конца, то и дело бросая в нашу сторону торжествующий взгляд, словно этот лейтенант — его собственный сын. Заметка кончается словами: «Этот подвиг является до-стойким примером для воинского умения».

Я говорю им, что они не обращаются:

— Легко сказать, «достойный пример»! Пример с него я, допу-стим, возьму, а где я возьму танки? К сожалению, к окнам нашей про-куратуры немецкие танки пока не подходит...

Пррут отвечает, не поднимая головы от своего блокнота:

— А брат с него пример — это вовсе не значит обязательно уни-жать танки.

Сейчас он, конечно, скажет, что нужно хорошо выполнять собст-венные обязанности...

И Пррут действительно говорит:

— Хорошо воевать — это значит прежде всего хорошо выполнять собственные обязанности. Война — это труд...

Мы спорим уже не первый и не второй раз. Я заранее знаю все, что скажет Пррут.

Но ведь труда труду рознь. Есть труд разведчика, труд пулеметчи-ка и есть труд кашевара или, допустим, следователя.

— Если бойцы останутся голодающими, чисто потерпят боеспособ-ность. Так что труд кашевара необходим. А труд следователя...

Ты помнишь, Алеши, как два месяца назад в штабе получили почту

о том, что в районе Балаклавы, где вчера находились наши войска, был захвачен и убит генерал-лейтенант Франц фон Келлерманн, командир 14-й пехотной дивизии? Алеши, ты помнишь, как вчера в штабе получили почту о том, что в районе Балаклавы, где вчера находились наши войска, был захвачен и убит генерал-лейтенант Франц фон Келлерманн, командир 14-й пехотной дивизии?

Да, я помнишь, Алеши. Но это было вчера. Алеши, ты помнишь, как вчера в штабе получили почту о том, что вчера в районе Балаклавы, где вчера находились наши войска, был захвачен и убит генерал-лейтенант Франц фон Келлерманн, командир 14-й пехотной дивизии?

Да, я помнишь, Алеши. Но это было вчера. Алеши, ты помнишь, как вчера в штабе получили почту о том, что вчера в районе Балаклавы, где вчера находились наши войска, был захвачен и убит генерал-лейтенант Франц фон Келлерманн, командир 14-й пехотной дивизии?

Да, я помнишь, Алеши. Но это было вчера. Алеши, ты помнишь, как вчера в штабе получили почту о том, что вчера в районе Балаклавы, где вчера находились наши войска, был захвачен и убит генерал-лейтенант Франц фон Келлерманн, командир 14-й пехотной дивизии?

и не досчитались одного места с секретными документами? Тогда еще оказалось, что ротозей-фельдъегер засунул в дороге и не заметил, как целый мешок у него выпал из кузова «кипака». Хорошо, что Кли-менко так быстро во всем разобрался, пошел по следу и нашел про-пажу в кустах. Ну, а если бы секретная почта попала в руки врага?

Я покидаю плечами. Мне не хочется больше спорить. Нет, я не со-гласен с Пррутом. Но мне жаль, что я это задел, поставил рядом следователя и кашевара.

Выхожу из улицы. Падает, падает снег. Странно, в каких-нибудь полутора километрах от линии фронта такая тишина. Вот уж скоро мес-сики, как начнут бояться поселян, впрочем, здесь нечего больше бомбить. Груды камня, дерева, стекла, разбитые кирпичные заборы... А над всем этим, как кладбищенский памятник, — обезглавленная во-данопорядовая башня.

Нет, я, наверно, никогда не соглашусь с Пррутом, но и объяснять ему это тоже никогда не смогу.

Я мечтал стать следователем очень давно — лет с двенадцати. Точней, с той ночи, когда прочел приключительную повесть Рудольфа Собачинского «Свет в развалинах».

Нет, конечно, я не очень-то верил в чудесные подвиги героя по-вести Антона Львова. Но я верил в то, что профессия следователя — самая интересная и опасная...

Ну, что я могу объяснить Пррут?

Когда я, студент-первокурсник, говорил знакомым девчонкам, что буду следователем, они спрашивали с восторгом:

— А это что такое?

Следователь проводил меня на фронт, умоляя, чтобы я все-таки берег себя. В том, что самые опасные дела будут поручаться именно мне, она, разумеется, не сомневалась.

Три месяца я на фронте, а что сделан?

Я вел дело о халатном обращении с казенным имуществом. Разобла-чил интенданта, украшшего боекомплект спирта. Вот и все. М.-д. Маловато. Я возвращаюсь в комендатуру.

Пррут, повернув ко мне голову, спокойно говорит:

— Только что позвонили: из восемьдесят второго полка исчез боец Духаренко. Возмездие дело, Алеши.

— Хорошо, Лев Ильич.

СПРАВКА С ГЕРБОВОЙ ПЕЧАТЬЮ

В роте, где служил Духаренко, мне рассказали следующее.

Месяца два назад в дивизию пришло пополнение: сотни полторы разноизделий новобранцев, одеты в плащ еще во все сугубо штат-ское, вплоть до шапок и галстуков.

Эти люди были отправлены на военную службу в последнюю очередь из рабочих, которым угрожала оккупация. Большинству из них было лет сорок — возраст, когда при всем желании нелегко привыкнуть к армейским порядкам.

Среди подобных новобранцев Духаренко резко выделялся.

Он недавно освобожден по амнистии из тюрьмы, где сидел не то за кражу, не то за ефуру. Потом, по его словам, попросился на фронт, и пока их маршировала рота находилась в пути, не раз поражал окружающих своей лживостью и отчаянностью.

Но когда рота попала на фронт, сорвиголова Духаренко всем на удивление оказался далеко не смельчаком.

Он бессстрашно пререкался со всеми начальниками по любому по-воду, смело нарушал воинскую дисциплину, но стоило только проси-стеть пушку или неожиданно глянуть — и грохотнул снаряд, как Духаренко мгновенно терял всякий интерес к происходящему и лежал на четверень-ках, смеясь и всхлипывая. В конце концов его перевезли в обоз.

Мог ли такой ловкач перебраться к фашистам? Вряд ли.

Для этого нужно было перейти линию фронта, то есть переплыть сто — двести метров кничейной земли каждую секунду рискуя полу-чить пулю в лоб.

Возможно, Духаренко похищен вражеской разведкой? Такие слу-чай на фронте бывают.

Но вот беда: вместе с Духаренко исчезли некоторые его личные вещи, включая безжалостную бритву — предмет не столь уж необходимый для фашистской разведки. Да и находился Духаренко не на переднем крае обороны, а в довольно прочном тылу.

Знанит, наиболее вероятной является третья версия: Духаренко просто дезертировал.

Что мне оставалось делать?

Я не знал, в какую сторону он мог податься. Семьи у него не было, родных тоже. Поэтому я ограничился тем, что допросил свидетелей из числа его однополчан и на всякий случай послал запрос в город, где Духаренко сидел в тюрьме.

Не быстрый ответ надеялся не приходилось: письма тогда шли по пять—шесть недель.

Начатое дело со спокойной совестью человека, выполнявшего свой долг, превратилось в злобу Гельтура: я рассчитывала, что верну ему только месяца через два, чтобы подшить ответ на запрос. Но достать дело из ящика пришлося уже на следующий день.

Несколько бойцов из полка, в котором служил Духаренко, посланные в тыл за фурманом, неожиданно натолкнулись на «пропавшего без

вести» в небольшой деревушке Серебрянке, километрах в пятнадцати от части. С рюкзаком за плечами он бодро шел по направлению к фронту.

Духаренко был навеселе, с бойцами разговаривал смело, хвастал своими успехами у местных женщин и уверял, что за выдающийся боеvой подвиг командование предоставило ему двухдневный отпуск. Бойцы выслушали Духаренко, не поверив и привели с собой.

Я допрашивал Духаренко у себя в кабинете, если только так можно назвать то постоянное место, где я обычно жил и работал, приезжая в полк.

Это был самый обыкновенный блиндаж с земляным полом, присыпанным красноватым песком, трафаретной надписью на полу и углу. Посреди блиндажа стоял вымазанный в землю столик с прибитой к нему скамьей, обшитой зеленой прищницей: мой рабочий стол. Высокие нары, ширко установленные лапником, три нескладные табуретки и лампа-молния под потолком — вот и вся «имбель».

Но ведь о блиндажах судят не по нарам и табуреткам. Три наката толстенных бревен, обшиты стен, ступеньки — все это было сработано прочно и добросовестно. В таком блиндаже даже прямого попадания снаряда можно было не опасаться.

Разговор у нас с Духаренко примерно такий:

— Как вы очутились в этой деревне?

— Сперва пешком, а там на попутной.

Ответ издавательский.

— Вы знаете, как называется ваш поступок?

— Да, как же не знать! Ушел, и все.

Его блиндаж раздребает. Я сурово говорю:

Нет, в наших законах есть более точное определение для таких действий — дезертирство.

— Ну, это вы зри, гражданин следователь, — усмехается Духаренко. — Если бы я захотел дезертировать, я бы в Ташкент дранапул, а то куда подальше. Вы же знаете: я назадшел.

То ж, в его словах есть своя логика. Но и дваждыневная самовольная отлучка — тяжелый проступок...

— Почему вы самовольно ушли из части?

— Надево. Сиди тут и жди, пока какой-нибудь фашистский вшивый тебе пулю пронес глаз влепит или бомбой трахнет. Развлечения никакого. А в деревне этой у меня баба знакомая, Фролька. Когда я на фронт с маршевой тополем, мы там заночевали. Дай, думай, смотри с ней в глаза, она тебе расскажет.

— Собрались на почту, а уже dove сугуб гуляли?

— Это верно, лишенец перехватил. Да вы, гражданин следователь, напрасно сомневаетесь. Хоть как есть. Все равно я назадшел.

Медленно перелистывая бумаги, разложенные на столе. Вот акт задержания, список вещей и документов, отобранных у Духаренко. Они написаны на листах ученической тетрадки корысток помечкой старшиной роты, к которому вначале был доставлен «пропавший» солдат.

А вот и сами документы. Я перебираю их. Солдатская книжка, какие-то справки...

По списку документов должно быть девять. Я пересчитываю — девять. Значит, все в порядке.

В конец концов я решил, что следует, не мудрствуя лукаво, записать все показания Духаренко и кончить дело. Ведь от меня теперь требуется только это...

Наутро я выехал в прокуратуру. Трофейная кобыла с романтическим именем Эльма, стильно переименованная эздовыми в Шельмы, осталась в блиндаже, а я вернулся в деревню.

Откровенно говоря, я был, в общем, доволен собой. В конце концов по-настоящему работать с Духаренко я начал лишь вчера, а уже сегодня дело оформлено. Есть показания старшинам и солдат, задержавших «пропавшего без вести». Есть показания самого Духаренко... Нет, дорогие профессора, не зря вы ставили «отличные» отметки студенту Кретову! И пусть пока дела попадаются мне на редкость нудные — попадется же когда-нибудь настоящий! Эх, скорее бы...

Дорога повела вверх, на поросшую кустарником высоту. В это время сзади, из молодого ельника, подряд, с короткими интервалами, ударило несколько ружейных выстрелов. Это я уже не слышал: оно растворилось в растущем рокоте моторов самолетов. Так и есть — «ракеты...». Это чертов «ракетчик»! Куда же он денется? Дверь прогулывается над бойцами и произносится с такой навязчивостью это безобразное слово.

В прокуратуре я застал одного Гельтура. Хранитель нашей канцелярии не без ехидства приветствовал меня:

— Ну-с, с чем пожаловал на сей раз, пламенный патрот: юстиции?

— С законченным делом, — небрежно ответил я.
— Уже! — удивился Гельтур. — Прости за комментарий, Алевша, но ты молодец.

— Да что там! — слегка покраснев, отмахнулся я. — Дело ясное, как гривенник. Через два часа во всем сознался...

Собственно, «сознался» Духаренко сразу же. Но «дважды» звучало гораздо солидней: значит, все-таки умирался, а я разоблачил.

— Вещишки, привез?

Я выложил перед Гельтуром дело и протянул ему сверток с документами и спрашивал, отобранными при аресте у Духаренко.

Гельтур все перелистал, потом пересчитал и, наконец, перечитал от начала до конца ее свойственную ему фантастической аккуратностью: да же папки были поименованы.

— Да, дело ясное, что дело темное, — наконец изрек он.

Эту реплику я пропустил мимо ушей.

— Ну и что же ты теперь собираешься с этой историей делать дальше? — поинтересовался Гельтур.

— Напишу заключение и tolknu дело к Прутю, — беззаботно ответил я и тут только обратил внимание на чрезраспак ласковый тон Гельтура. Но это было уже поздно.

— А как вы, молодой человек, объясните эту справочку? — с наслаждением спросил он.

— Это бумага?

— Этот до-кумент, молодой человек. Документ, оказавшийся в руках пострадавшего.

Я взял узкий потертый листок.

Справка как справка. Серая бумага, фиолетовые чернила, в углу штамп, госпиталя, заверена гербовой печатью. Если верить написанному, выдана она какому-то капитану Цветкову в том, что ему действительно предоставлен трехдневный отпуск после ранения.

Черт вонским, как же я раньше не обратил на нее внимания?! Скорее всего справка липовая, сработана на всякий случай самим Духаренко и ею следовало приобщить к делу специальным постановлением как немаловажную улику. Но разве от этого что-нибудь в деле Духаренко существенно изменится? Вряд ли. Судя по всему, он действительно возвращается в часть.

— А я, мол, юный дагестанец, вы на это скажете?

— А мне, — говоришь! — стараюсь сохранять полное спокойствие, отвечаю я. — Можно, конечно, приобщите ее к делу.

— Можно приобщить? Иными словами, можно и не приобщать? — издаresь Гельтур.

— Можно и не приобщать, — заявила я уже из чистого упрямства.

— Молодой человек, свет Аланешвили! — торжественно произносит Гельтур. — Как только окончится войне, приходите ко мне на Крацентхи. Я вас пристрою в лучшую автосекачскую контору — полоторем. Более серьезную юридическую должность я не смогу вам доверить при всем моем к вам расположении.

Деваться мне некуда. Ведь острожный Прут никогда не утвердит дела, если я не выясню происхождение этой злосчастной справки. На сей раз Гельтур абсолютно прав. Не устраивали всю эту комедию из-за пустой формальности, из-за какой-то жалкой бумажонки — это уж слишком...

— Отсюда до полка час езды. Час обратно, — слушу, подсматриваю я. — Сорок минут на разговоры с Духаренко. Значит, самое большое через три часа я снова буду здесь. Подумавши, до-кумент!

— Я засеку время, — говорит Гельтур и картино вскидывает смуглую волосатую руку с трофейными часами.

КАПИТАН ЦВЕТКОВ В ЧАСТЬ НЕ ЯВИЛСЯ

И вот опять мы сидим в блиндаже друг против друга...

Не я не тороплюсь начинать допрос. Медленно раскрывая полевую сумку, поудобнее расположаясь на табуретке, перебираю листы дела. Психологический момент...

— Откуда у вас, Духаренко, эта справка? Как попала к вам справка, выданная капитану Цветкову?

— Купил.

Духаренко, не вспыхнув дурака. В ваших же интересах говорить только правду.

— Ну, нашел...

Я собираюсь с мыслями. Положение дурацкое. Если Духаренко ничего не расскажет о справке, вопрос останется открытым и Прут ни за что не утвердит дела. Неужели мне еще неделе придется заниматься этим проклятым делом, ясным с первой минуты?

— Итак, вы утверждаете, что справку нашли. Если так, то она настоящая и капитан Цветков — реально существующее лицо. На справке есть штамп и печать нашего временного госпиталя. Я напишу туда и все wyjaśniю.

Лингот, выслушай!

...Все вышло еще проще. Мне в тот же день удалось договориться со штабом армии, и я узнал, что капитан Цветков Николай Федорович действительно там служил и на излечении в госпитале действительно находился.

К сожалению, связаться с самим Цветковым не удалось; да не-дели назад он был назначен на новую должность и для прохождения дальнейшей службы направлен в одну из стрелковых дивизий, которая была переброшена на другой участок фронта.

И все-таки многое было неясно. Как эта справка попала к Духаренко? Нашел? Сомнительно. А если нашел, то, вероятно, не одну только эту справку, а другие документы вместе с бумажником или плащевкой. Но где же тогда син?

Словом, все получалось сложней, чем казалось сперва.

Мне пришлось задержаться в полку, и утром я вновь увидел не столь уж приятное лицо Духаренко. Я протянул ему протокол для подписи. И душегрим Духаренко спрашивал:

— Ну, а теперь куда мен?

— Что значит «куда»? — удивился я. — Конечно, на прежнее место, на «губу».

— Ну, и долго мне там сидеть?

— Пока не придет ответ на запрос из части, где служит капитан Цветков.

Духаренко призадумался. Он покачивал головой, морщился, шевелил губами, Наконец, решил:

— Стойте, гражданин следователь. Не хочу больше темнить, надеюсь. Тут я, конечно, не все рассказал. Мне, ясное дело, эта справка ни к чему — вот кем мне быть, не зру. Только я ее не нашел. Дело было так.

У этого самого капитана жена — или кто там она ему — мой Фрэско вроде как сродственница.

Капитан женой ехал кудах-то, ну, у моя и ночевали. Я на всякий случай на чурдак притялся. А потом — с чего, сам не знаю — залгнул к ним в узелок. Думал, в нем что-то толковое. А там только и было, что грязная гимнастёрка. И в кармане эта самая справка. Я, конечно, на чурдак, подкинулся. А справку взял. И чего я ее, дурак, у себя оставил, понять не могу...

Рассказ Духаренко показался мне вполне правдоподобным. Я охотно занес его в протокол.

И все-таки его надо было еще проверить. Я послал шифрованный запрос в часть, куда был направлен капитан Цветков.

Ответ последовал быстро и ошеломил меня: капитан Цветков в часть не явился.

ИТАК, НОВОЕ ЛИЦО

Я вертел в руках телеграмму. Я еще многое не продумал и ничего не решал. Но мина уже хирокадио от невеселых мыслей...

Вот оно лежит на столе, «дело Духаренко», солидная папка, цена которой ломаный гроши.

Вот они, три факта, три у dara по всей моей работе. Капитан Цветков убыл в часть. Капитан Цветков в часть не явился. У задержанного Духаренко найден документ капитана Цветкова.

Я вышел из блиндажа. Еще только скралось, но ранняя луна уже висела над полями. Я шагал по деревне, мимо хат, развалин деревьев, мимо мелких заснеженных воронок, мимо разбитой полторушки, что лежит в земле, задрав обгоревшие колеса.

...Нет, тысячу раз прав Гельтур: не следователем мне быть, а потерпевшим! Оно как шахматы. Вызубрить правила и научиться передавать фигуры может каждый. Но чтобы играть, играть по-настоящему, нужно особое шахматное видение, нужен талант. И пусть я был отличником института. Но если за столько дней я не сумел разглядеть, кто же в действительности этот Духаренко...

А я друг в это история со справкой — просто случайное стечние фактов?

Я вновь перебрал в памяти все, что рассказал мне на допросах подследственный. Прежде всего история с кражей гимнастики — прада эта или ложь?

Скорее всего правда: зачем бы Духаренко стал на себя наговаривать? Да и проверить это в конце концов не так уж трудно...

Итак, он украд гимнастерику, а затем подбросил назад. Но ведь капитан мог замечать, что спрашка исчезла. Не исключено, что он каким-то образом обнаружил Духаренко, и утоловник, опасаясь разоблачения, убил капитана.

Но почему тогда Духаренко стал бы сам рассказывать о краже? Нет. Помяту, история с гимнастерику говорит о том, что он не убивал Цветкова...

Что же теперь делать? Поехать в село, где все это произошло? Но для этого нужно просить разрешения у Прута, рассказать ему о ходе следствия, то есть поехать в прокуратуру и официально доложить, что суд по дополнительным данным, проходит Духаренко обвел вокруг пальца следователь Алексей Кретова. Да и где гарантия, что такая поездка в село сразу все объяснит? Ну, допустим, убил Духаренко капитана. Но ведь об этом может никто не знать.

Но почему капитан Цветков не явился в часть? Мало ли бывает всяких случайностей! Какая-нибудь нервнаженная мысль об обижене дармоеждом, и капитан не может сказать, что могло случиться месяц или недели назад?.. Да, конечно, все это так. Но плохо верится в случайность, когда дело касается уловки, злостного нарушителя воинской дисциплины. Плохо верится...

Я почувствовал, что устал. Нет, не от работы, не от допросов. Я устал от своих неудач.

В конце концов, давно пора бы разобраться в этой истории. А у меня до сих пор сомнений и догадок куда больше, чем фактов.

Ну что ж, надо ехать в Серебрянку. Теперь другого выхода нет... На попутном грузовике я добрался до штаба дивизии. Наверное, финансом у меня было совсем кисляк, даже Гельтур не стал издаватьсь. Вот уж не окажется от него такой тактичности...

Приступил к работе. Моя рассказ о деле совершенно спокойно, кивая головой, и, потом сказал:

— Ну, что ж, езжай в Серебрянку. Разберись, что там и как. Тогда, я думаю, все станет на место. Только не торопись, не подгоняй факты к версии.

Примерно то же самое он говорит всегда. Эх, мне бы его спокойствие и уверенность!

...И вот — Серебрянка. Село повезло: война, грохочущая вокруг, его почти не тронула. И хаты цели, и садочки не порублены. Лишь по дороге, идущей сквозь село, война прокатилась всей своей тяжестью: и танки, и грузовики, и тягачи с орудиями оставили на ней свои следы.

Молодая женщина открывает дверь. Она даже не спрашивает, кто я и откуда, она просто рассказывает все, что видела.

— Молодая женщина открывает дверь. Она даже не спрашивает, кто я и откуда, она просто рассказывает все, что видела. Поняла только, что он фронтовик и герой...

Кто такой Цветков? Это который же Цветков? А-а, Николай. Ну же, знает! Муж ее племянницы Нади. Уже месяца два как живет у той. Получил отпуск по ранению на полгода и совсем к ней перебрался. Куда? Да в Площанско, куда же еще? Вот и Надежда так пишет.

Женщина достает из-за притолоки письмо — замусоленный треугольничек. Строчки корявые расплываются — какая воня. «Здравствуй, Фрэсси, и всего тебе наилучшего. Во первых, строчки моего письма сообщают тебе, что Николай заступился на работу и он теперь становится агрономом Площанской МТС, и живем мы хорошо, что тебе известно...»

Утром я вернулся в дивизию. Да, кое-что встало на место. Видно, Духаренко сказал правду. Но Цветков? Такой Цветков? Почему отпустил у него на полгода, а спрашка выдана сроком на три недели? Почему он пошел работать в МТС вместо того, чтобы ехать в часть? Почему... почему?.. Поступок много. Итак, в деле появилось новое лицо. Пока я не буду точно знать, что собой представляет это новое лицо, я не могу считать дело законченным. Как коротко и выразительно говорят следователи, я «вышел на Цветкова».

(Продолжение следует.)

АБСЕНТ ДЕ

они приближались к конюшне,—столпил этого красавца ахалтекинской породы доставлен спорту не мало хлопот...

Тот день, когда Сергей Филатов впервые увидел Абсента, стал для него одновременно счастливым и печальным. Счастливым потому, что Абсент привнес ему вспомогательную медаль олимпийской лотереи, что этот красавец ахалтекинской породы доставил спорту немало таких хлопот...

— Что, настолько безобразен? — пошутил Сергея.

Почти потеряв надежду на найти желанного коня, он и теперь не верил, что его мечта сбудется. Парыш не отважился: «Неужели и этот не подойдет?» с тревогой подумал он. Но это же успокоило Филатова: дохихинские разглядывали стоявшего в доннике коричневого жеребца. Стойкий, как легендарный Негас. Длинная, лебединая шея. Тонкие, очень сильные ноги. Могучий круглый Иессина-чёрная, шелковистая шерсть. Лукавые, напитанные кровью глаза гордостного жеребятника. Да это, действительно, великолепнейший лошадиада!

Он долго разглядывали Абсента. Потом его подсадили, вымыли. И опять разглядывали — уже в загоне. Смотрели, не отводя глаз.

— Веру, Моя! — заявили тогда Сергею, но Петру Прокохович лукаво прищурившись:

— Будет твой, если дадут. Лошадь то государства...

Выяснилось, что Абсент принадлежит казахстанскому зернохозяйству «Луговской».

Сергей написал в совхоз. Ответа долго не было. И когда он почти отчаялся, ему вдруг вручили долгожданный конверт.

«Абсент — чудесная лошадь», — говорилось в письме директора совхоза Всеволодимира Евениамовича Иванова. — Берегите ее. Желаю успехов...

Сергей не хотел терять ни часа. Тут же решил по-настоящему познакомиться с Абсентом. Однажды распаковав к себе в гостиницу, сразу же удалился. Едва он пришел, чтобы погладить Абсента, как тот забытое захлопнул и отдернул голову. Не помогли и ласковые приветствия и даже сахар. Абсент оказался крепким «зеринышком».

— Ничего, еще подружимся, — сказала Сергей и ласково похлопала Абсента по лосиному крупу. У Сергея были основания говорить так. Много лошадей перевидел он на своем веку. Многих

даже самых капризных и недоверчивых — сумел обезъянить...

В первые Филатов сел на коня маленьким. В селе Лысые Гory, Тамбовской области, где он родился, в компании таких же босоногих пареньков Сережка гонял табуну на реку, ездил в ночное. Он мечтал стать настоящим всадником. И не изменил детской мечте. В шестнадцать лет поступил в Казахстанский училище. А окончив его, стал заниматься конным спортом в Спортивном клубе «Спартак». Тренировки, пробежки и пляжных через препятствия. Потом по совету Николая Ситко, перешел на высшую школу верховой езды. Ситко знала вся страна. Он был неоднократным чемпионом страны, с неизменным успехом выступая на крупнейших физкультурных праздниках и парадах. Его знаменитый Стакач, появившийся воле всадника, клинился публике, галопировал, даже танцевал «Яблочко», польку и вальсы...

из-под пальки, или из-за великой любви и доверия к хозяину. Из-под пальки выходят гораздо хуже, чем по любви, это известно. Филатова лошади любили...

В от почуявшего Сергей твердо верил, что подружится с Абсентом. Но он даже не предполагал, насколько это окажется сложным.

К 1957 году Абсент хорошо овладел премудростями «школы», правда, еще не достигнув совершенства. Но Сергей не стремился к этому. Ему хотелось лишь проверить, какое впечатление произведет его конь на специалистов. Многие из них, лошади, должны вызывать такое же эстетическое наслаждение, как фигура балерины. Нередко их оценки зависели именно от силы первоначального впечатления. Понравилась лошадь — балла растут. Не понравилась — уменьшаются. Филатовский Ингас за границей не привился. Ну, а что скажут об Абсенте?

И летом 1959 года вместе со своей новой лошадью Филатов приехал в Ленинград на всенародный спортивный соцсоревнования СССР по разыгрыванию «Малого приза» по маражиной езде. В 1956 и 1958 годах он занимает в чемпионатах страны второе место по очкам балловской программы «Большого приза». А в 1957-м впервые становится чемпионом страны и не уступает этот титул в следующем сезоне.

Он стал преемником славы прозорливого Ситко. Впрочем, в преддверии бывшего чемпионата не было ничего удивительного. Дело в том, что Сергей Филатов, научившись хорошо разбираться в характерах лошадей, легко находил «общий язык» со склонностью к четвероногими друзьями. В выездке же это особенно важно. Если некоторым лошадям придется прыгать через барьера и другие препятствия, то выполнить сложные и мучительные для животного упражнения «высшей школы» не по душе ни одной: лошади занимаются этой своеобразной гимнастикой или

вал бы постепенно, не торопясь, чтобы не запугать лошадь. Но теперь, уверяв в свою власть и мощь, что Олимпийская близится, Филатов перешел к решительным действиям. Когда однажды Абсент не подчинился его приказу, Сергей наказал жеребца шпорами.

Сергей ждал самого плохого. Ждал этого и Володи Алексеенко, который увлекался коньми. Абсент и прекрасно понимал, что на вороном красавца можно подействовать толи-ко лаской. Каково же было их удивление, когда оба увидели, что Абсент не рассердился! Стоило его погладить, как он совсем успокоился. Большой, что на командаe Сергея сразу отличил выполнение наставническое упражнение.

«Это, голубчик, — подумал Сергей, да ты, оказывается, зове не сломя голову...»

Он не ошибся. На первенстве Москвы в том самом месте программы, в котором когда-то Сергей наказал коня, Абсент так скверно выступил, что Филатов откатился на одно из последних мест. Нет, Абсент не забыл обиды. Он был не так-то прост.

И Филатов пришел снова пересматривать свои отношения с Абсентом. Ясно было одно: путь не терял гребби. Но и казарма поменяла не всегда. Особенно при выполнении плаффе.

Плаффе — это рывь на месте. А если описать это упражнение, то перед вами представят следующая картина: по команде всадника лошадь имитирует рывь на месте, отбиваясь на месте, и не продвигается этим на один сантиметр. И это и тут гнет равнодушно: на инспекторов начеку: он властно натягивает поводья, сморя пыль животного... А за всем этим зорко наблюдают неумолимые судьи. Малейшая ошибка, и они неторопливо простреляют по протоколам губительные штрафные очки.

Ох, уж это плаффе! Выполнить его Абсент категорически отказывался. На него не действовало ничего.

«А может, я впrustу

чень долго искал Филатов коня, который мог бы по настоянию хорошо освоить классическую «высшую школу». Пока Сергею не удалось перечеркнуть олимпийские надежды мира. На составившихся конников по программе XVI Олимпийских игр, проходивших в Стокгольме, он занял лиши однинадцатое место. Кто был виноват в этом? Он сам или его тогодашний конь Ингас? Вопрос серьезный. Ведь конный спорт таков, что результаты в нем зависят в равной мере и от всадника и от лошади.

Сергей имел все основания считать себя невиновным. Но не только он. И спортивные беды уперлись в том, что русские искусные наездники не слушали шведскую газету «Дагенс Нюстэр» писала: «Выступления русских элегантных конников явились доказательством того, что Советский Союз целеустремленно продолжает идти вперед по всем видам спорта». Советские конники показали себе великолепными мастерами, но их лошади буквально «сырьились».

Тогда и решила Сергея поменять лошадь.

Вернувшись из Стокгольма, он начал ездить на конные заводы, поиски. Несколько его глаза, мы пронесли сотни гнедых, бурых, коричневых и караковых скакунов. Но ни один не тронул сердце спорсмена.

...И вот однажды председатель Федерации конного спорта СССР Петр Прокохович Парышев сказал Сергею, что, кажется, видел именно такую лошадь. Вместе они прошли на Выставку достижений народного хозяйства СССР.

— Знаешь, — сказал Сергей

ЛАЕТ ПИАФФЕ

Фото Г. ТЕР-ОВАНЕСОВА.

возжусь с Абсентом?

рассуждал Сергей, тут же протестовав: — Да кто в самом деле главнее? Неужели человек ни в силах справляться с животным?

Как бы то ни было, но Сергей продолжал тренировать жеребца. Его цель приближалась так же, как и Олимпиада, — медленно, верно... И только убийца пистолета-пистолета отдал ее. Насколько? Сергей не знал этого. Но, подсчитывая оставшиеся до Рима дни, он ощущал пробегающий по спине холодок. Навязчивое французское слово не давало покоя. «Пиаффе, пиаффе» — шелестело в голове, рождая воспоминания оказавшихся бесполезными планами.

Но один шаг помог. В тот день Абсент, как всегда, выполнял олимпийскую программу безупречно. Но и как всегда, дойдя до пиаффе, остановился. Тут Сергея осенило. А что, если Абсент не желает отрывать руку на месте сразу после продолжительного непрерывного движения? А что, если эта стопа не станет пиаффе с места? Еще не залез в успех, Сергей скочил с седла, сел на свое место Володю Алексеенко, а сам взял в руки бамбуковые хлысты — «удочки» и осторожно потрогал ими передние ноги Абсента. Тот недовольно задвигнулся, завертел шеей. Однако видно, что нечего ему скакать, покрытому. Это было дальше не настоящее пиаффе, но сейчас Сергею и этого было довольно. Самое главное — начнать. А то, что это было начальником, Сергей понял сразу. И приподнявшись, повеселевший щедро угостил Абсента морковкой.

Видимо, такой «подход к делу» Абсента понравился. С того момента он выполнял пиаффе безотказно. Скоро не потребовалось даже хлыстов-указок. А потом на конец пришел долгожданный день, когда Абсент продемонстрировал всю «вышную школу», из разу не запнувшись.

Олимпиада не ждала. Наступил день отъезда. Сергей за несколько часов долетел до Рима. Абсента же повезли вначале поездом в Одессу, потом паро-

ходом по Черному и Средиземному морям до итальянского порта Чивита-Векина, а оттуда снова поездом в столицу Олимпиады. Филатов боялся, что Абсент плохо перенесет дальнюю дорогу. Но, увидев его в Риме, успокоился: лошадь выглядела отлично.

...С утра солнце палило нещадно. В излюбленном месте отдыха — парке Веросе — было достаточно затененных мест. Но конники приходилось выступать на открытом манеже. К тому же не в легкой спортивной форме, а в тяжелых военных мундирах или во фраках в цилиндрах. Талка традиции...

Словом, было жарко. На трибунах стадиона Пльзен ди Сине температура знатока и любителя. Они ждут великолепного представления. Лишь 17 зевакинов из десяти стран осмелились претендовать на титул искуснейшего конника. Зато все они «звезды».

Вот знаменитый Сен-Сир — дважды олимпийский чемпион. Это звание он завоевал в Хельсинки и у себя на родине, в Стокгольме. Вот на менее известный шведский конник Шиммерт. Его соутечников Фишер. Выдающиеся немецкие конники Некерман и Шпрингер. Американка Голдин... А чуть поодаль — два советских наездника: молодой Иван Калита и он, Сергей Филатов.

...Почти все сильнейшие показали свое искусство. Сен-Сир получил 1 036 очков, Фишер — 1 052, Некерман — 1 071. Сколько наберет он? Так и не успев назвать вероятную сумму, Филатов направил Абсента к манежу. Перед тем, как ехать в него, ласково проводил руку по кругой шее коня, подбадривая его и прося, чтобы тот не отказал, каким-нибудь образом.

Жеребец не отвечает на ласку: он вежливо обрасывает с себя руку хозяина, словно говорит, что сейчас не до признания. И, напротив, важно входит на промежуточное поле.

Въезд в манеж — это уже начало программы. Экспресс-диагностика судей: уши забегли во листья. Значит, прочи, сомнения, вперед, Абсент!

Показ выездки лошади — картина впечатляющая. Выполнена 33 упражнения, лошадь идет шагом, скакает рысью, потом так называемыми прибалленными или укороченными аллюрами, делает пирамиды, пасасли... Бросая вызов инстинкту, она делает то, что требует верховного мастерства, но изумительный двойной шаг: левый — скакой левой, правый — правой... А знаменитое пирафе! Лошадь стоит на месте и в то же время скакает! И самое восхитительное: да же не замечаешь, как управляет лошадью всадник.

Создается впечатление, будто она все делает сама.

И когда, завершив выступление, Абсент опустился на колени и, поборов природную гордость, низко склонив перед судьями голову, шквал восторженных криков и аплодисментов затолкал Пльзен ди Сине. Филатов получил высшую оценку — 1 074 балла! Абсент его не подвел.

Но это еще не было победой. В отличие от прежних олимпийских правил в Риме был введен новый порядок: пятеро сильнейших, вы瀛авшихся в первый день, должны были повторить выступление. И снова Пльзен ди Сине. Опять пасасли, пирафе и пирамиды... На этот раз Абсент получился не менее эффектным: скакалось усталость, первое напряжение. И только Филатов и Абсент вновь заставили восторгаться зрителей. Он набрал всего на 4 балла меньше, чем на кануне!

Однако и это не было окончательной победой. Соревнования конников фиксировались на втором месте. Чтобы не продлить соревнование, организаторы сняли необъективность судей, результаты участников объявлялись только после просмотра фильма соревнований экипажами. С нетерпением ждали спортсмены итогов просмотром. Все волновались. Волновались и Филатовы. Но фильм только подтвердил его триумф. Советскому коннику — Сергею Филатову — была единогласно присуждена победа!

Так Сергей победил Абсента. Зато теперь все С Абсентом покончатся! Он, Сергей, еще выступит в Токио. Но не на Абсента, нет. Эта лошадь и сама устала и его измучила. Неужели снова, цеха четыре года, терпит ее каприсы, подлаиваеться к ней, ожидая тем самым смысла конниченских спортивных? Нет, Абсента он оставил. У него теперь две новые лошади, и обе замечательные, покладистые — не то, что деражий Абсент!

Так думал Филатов, возвращаясь домой, в Москву. Но...

Зайдите в манеж ЦСКА. Абсент по-прежнему там. Две новые лошади Филатова действительно прекрасны. Но не подойдите к ним, Сергей оглядывается на красавца Абсента. А если вы спросите чемпиона: «Что же он думает дальше?», — Сергей чуток смущенно, но честно признается, что в Токио все-таки будет, видимо, выступать на Абсенте.

И его можно понять: старый друг лучше новых двух...

Через несколько месяцев сотни молодых американцев променяют удобства домашней жизни на примитивное существование в течении двух и более лет в самых отдаленных частях мира. Американский журнал «Юниейтед Стейтс» идет в Уорд Уорнер, включившийся в рекламную кампанию, начатую в Соединенных Штатах Америки в связи с созданием так называемого «корпуса мира».

Как указал президент США Джон Кеннеди в своем послании конгрессу, «этот корпус будет объединением соответствующим образом обученных мужчин и женщин, посыпанных за границу правительством Соединенных Штатов или через частные учреждения и организации для помощи иностранным государствам в удовлетворении их срочных потребностей в квалифицированных кадрах».

Итак, по замыслу авторов проекта, 10 тысячам молодых американцев (столько организаторы корпуса надеются иметь через несколько лет) предстоит посетить где-нибудь в Африке или в Азии в хижинках, крытых пальмовыми листьями, и выкинуть из своего лексикона словечки, вроде «чекромазы», «цветной яичко», «косоглазый», которые так легко звучат на языке Америки. Им придется, конечно, забыть, что на свете есть Ку-клукс-клан и расовая сегрегация, а также научиться поминать руки черных и желтых, есть с ними из одного котла, спать у одного очага, укрываться одним одеялом.

И в то же время нужно будет изо дня в день разыскивать местному населению, как выращивать хороший урожай сельскохозяйственных культур, разводить скот, строить школы, больницы, дороги, учить грамоте детей. Для того чтобы жить, потребуется...

Но там же все это! Ведь никому еще дарило Сэм не вытащил золотые кружочки из своего кармана только для того, чтобы отдать их кому-то и не получить за это солидные барыши. Это невольно признан и сам американский президент в своем послании конгрессу о помощи слаборазвитым странам. «Нельзя не вычитывать выгоды, которых она (программа помощи)...

поможет Кеннеди»,

Но потому ли, что внешнеполитический престиж США падает и во всех странах мира растет непопулярность американской политики?

Как перекинуть мосты через этот «поток антиамериканских чувств», спрашивает известная своей реакционностью американская журналистка Маргарита Хиг-

Фото А. БУРДУНОВА.

ПЯТАЯ КОЛОННА ИМПЕРИАЛИЗМА

В. БОРИСОВ

Рисунок А. КОЛЛИ.

ганс, как притушить антиамериканский пожар, разгоревшийся во всем мире, и при этом не упустить политические и экономические привилегии?

Вот над чем сейчас усиленно думают в США: монополистические заправщины не только думают, но и действуют. Одни за другой, прямо-таки в пожарном порядке следуют в различные программы «помощи» слаборазвитым странам: «продовольствие для мира», программа «помощи» Латинской Америке, программа «помощи» Африке.

Но «поток антиамериканских чувств» ширится, переходя от чисто добровольцев из «корпуса мира».

Директор корпуса Сарджент Ширнер уверяет с горячностью человека, на котором тает шапка, что корпус якобы будет использован только для беспокойных и гуманных целей, а никак не для того, чтобы «продавать американский образ жизни, борясь с коммунизмом... или действовать как орудия «холодной войны».

Из этого же будет состоять «корпус мира»? Это будет контингент избранных и строго отобранных людей, подчеркивают инициаторы создания корпуса. Основу его составят молодые люди, только что завершившие образование и готовые к самопожертвованию. И, как поясняет всезнающая американская газета «Нью-Йорк таймс», все добровольцы пройдут строгий отбор, и только потом их «перепродают» бирюзово-расследованием.

Жизнь тихо, просто и скромно, ничего не выделяясь,— это первая заповедь членов «корпуса мира». Всегда помни об этом, а также обо всем, с чем тебе говорили в Федеральном бюро расследований, когда отбирали в корпус. Помни, что, кроме технической подготовки, тебя учили миссионерским нравственным, умению приспособляться к культуре других, умению пребывать, учли интересоваться политической жизнью и прививали организационные на- выки. Именно эти качества были признаны необходимыми для члена корпуса на совещании в

Вашингтоне, которое проходило под недугомисленным названием «Новые горизонты в деятельности за границей». И вообще членов корпуса маскируют под миссионерами-бессребренников.

«Корпус мира» ни в коей мере не является корпорацией с миссионерской «то, что будем делать», — заявил представитель отдела информации корпуса Эдвард Бэйли, — будет продолжением и дополнением к тому, что делается миссионерскими группами. Хотя американские официальные лица усиленно подчеркивают, что «корпус мира» не будет заниматься религиозной деятельностью, там же мелкие церковки собираются работать с ним в самом тесном контакте.

Журнал «Юнайтед Стейтс» и энд Уорид Рипорт» также сообщают, что альянс американской церкви и «корпуса мира» уже официально оформлен, и церкви заняла пост главного советника в штаб-квартире корпуса. Американская церковь накопила богатый опыт в области улавливания человеческих душ, и компетентность ее представителей не вызывает сомнений. «Корпус мира» становится на проторенную дорожку, колыко скоро он до мельчайших подробностей скопировал учебную программу миссионерских школ для подготовки своих добровольцев. Даже стоимость ежегодного содержания миссионера и добровольца корпуса одинакова.

В былые времена проповедники слова божьего входили вслед за конкистадорами в древние города и селения индейцев, распространяя на обширных площадках индейцев-солнцепоклонников, закладывая основу для эксплуатации и грабежа на века. Это повторялось, когда английские куки и французские дюрапи во славу своих королей открывали новые острова и архипелаги; со вторым кораблем туда обязатель но припливала поп. Это было и в XIX веке, в ее делеек мира. Всегда же во всем экспедиции, объявляя себя солнышком нусун чужого континента собственностью английского короля, французского императора или германского кайзера, всегда привозила свора торговцев и миссионеров. Первые держали туземцев в руках спиртом и побрикушкими, вторые цеплялись за душу.

Именно на теперь обозыны африканцы положением, которое довольно точно охарактеризовано в статьях заместителя государственного секретаря США Честера Булуса. «Когда белый человек пришел в Африку, у него была библия, а у туземцев земля. Сейчас земля у него, а библия у них».

Достаточно вспомнить события совсем недавнего прошлого, когда во времена национально-освободительного борьбы китайского народа миссионеры открыто выступали в роли агентов различных империалистических стран. В наши дни эти же миссионеры сотрудничают с империалистами в подавлении движений народов за свою свободу и независимость. В католических церквях Кубы многие служители бога прятали оружие и контрреволюционные листовки. Они превратили храмы в очаги антинародного подполья и поддержки открытой вооруженной интервенции против Кубы, финансируемой американским монополией.

Могло ли все это пройти бесследно для сознания народов Азии, Африки и Латинской Америки? Влад. Становится трудно, в порой и невозможном завоевывать там человеческие души, прикрываясь лишь крестом и Библией. Несмотря на то, что миссионерская армия во всем мире располагает большим опытом железной организации, миссионерство никогда больше не получало поддержки, которую оно играло в период колониальных захватов и детства мира. В новых условиях, в изменяющемся мире нужны новые идеи.

Поэтому на передовую линию выходят колонны «корпуса мира», лучше приспособленные к новым условиям, к быстро меняющейся обстановке.

Но у «корпуса мира», этого нового легиона миссионеров, новое сознание, новая организация, довольно скользко с тем, какое стало за годы тургетскими сенсациями германских империалистов. Там—травление «живленного пространства», жажды колоний, здесь — стремление вербовать добровольных рабов среди народов Азии, Африки и Латинской Америки. По этому поводу предоставим слово тому же заместителю государственного секретаря Честеру Булусу. Говоря о роли, которую будет играть частный капитал в «корпусе мира», он откровенно заявил: «американские корпорации и им подобные деловые интересы за границей, и они чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы подготовить там молодых способных людей, которые... впоследствии могут быть использованы для работы в американских корпорациях за границей».

Еще более ясно об этих целях говорят в Западном Германии, где организованное американским филиалом «корпуса мира» Газета «Фольксвирт» излагает их так: «...оказывать влияние на ход событий в духе наших собственных взглядов». Если это и говорится о немецких «взглядах», то совершенно понятно, что в этой части они соглашаются с американскими.

Директор корпуса Сарджент Ширнер считает, что это меро-принятие должно удивить весь мир. Это, конечно, очень многое из того, что делает Америка, не приятно уделяло мало. Могло быть может, на этот раз эффект все-таки получится другой и «корпус мира» станет не только для США символом «новых горизонтов» в деятельности за границей?

Но в наше время научились разгадывать истинный смысл сложных евклидических упражнений американской пропагандистской машины. И вот что говорят сами марио Вильямс и Маргарита Хинганс пишут в сообщении из столицы Нигерии Лагоса, что там «корпус мира называют заговором с целью широкого распространения в Африке... этот план характеризован как попытка наладить американских шпионов по всей Африке».

Сами американцы считают, что проводят «предупреждение Америке» как некою боевой друзей за границей, «это просто жест», пишет «Нью-Йорк таймс». «Друзей вы не завоюете. Вы просто пошлете за границу тысячи неприятных американцев».

ТЕЛЕСКОПЫ УСТРЕМЛЕНЫ

Здесь необыкновенно тихо. Особенно после весенне оживленного Симферополя. Сизодымчатые горы окружены это мес то, свободно расположившись вокруг. И дремлют. Лиши воздуха, чистый, едва заметный, струится, переливаясь через их спящие громады, ласкает лицо, наполняет вас бодрящими ощущениями легкости. Здесь хорошо. И кажется, будто Земля осталась где-то далеко-далеко, будто мы плаваем в иной, чистой и звездной туманности. Мы в Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР.

На холмах — купола астрономических башен. К ним ведут извилистые дорожки с молоденькой травкой, пробивающейся сквозь трещины в асфальте. Лиши изредка, нарушая сразу ставшую привычной тишину, промежуток какой-нибудь будь минуты, на велосипеде. Топотливые шаги погонщиков обсерватории звучат диксонансом в этом покое...

Сейчас день. Работа сосредоточена в научных кабинетах и лабораториях: проявляются пленки, анализируются наблюдения, делаются сложнейшие математические расчеты, готовятся инструменты.

Казалось бы, все ясно. Девно сослалено точнейшее расписание движения по небесному склону всех светил и планет. Даты солнечных затмений известны на десятки и сотни лет вперед. Известно время великих и простых «противостояний» Марса. Давным-давно измерено расстояние и до Луны и до дальних туманностей — все это.

Издали видна не сама звездная картина, но мироздание, она таинственным образом связана с философией, стремлением ответить на такую важный вопрос ее, как происхождение и разви тие Вселенной.

До сих пор продолжаются ожесточенные споры богословов с учеными о происхождении мира, начала и конца света. Это спор мировоззрений материалистов и идеалистов, привычного. Но если в мрачные времена инквизиции церковники утверждали свое учение страхом пыток, силой костров, то в наше время они поступают, может быть, даже более коварно, стремясь извлечь достоинства науки, истолковывая их в свою пользу. И как это ни странно, находят себе пособников среди некоторых буржуазных ученых.

Исследуя Солнце и далекие звезды, советские ученые утверждают материалистический взгляд на эволюцию звезд и развитие Вселенной. Их открытия подтверждают ту мысль, что Вселенная существует вечно, вечно изменяясь, обретая новые формы.

А разве не является логичным утверждение материалистического мировоззрения то, что мир познаваем? Но раз его можно по знать, значит, можно и преобразовать, а ведь и то и другое в корне противоречит воззрениям идеалистов.

Астрофизика — наука о природе Вселенной — вдвое моложе своей старшей сестры — астрономии. А история астрономии насчитывает пять тысячелетий! Велики ли эти сроки? Да! Но и сколько же времени открытий и открытий от мира? Много ли мы накопили знаний об окружающем нашу планету пространстве, о том, что за пределами солнечной системы, за границами Млечного Пути? Ведь горизонты беспредельны. Неугасаема и мольбность древнейшей науки.

С тех пор, как в начале семидесятого века Галилей впервые нашел на небесные тела изобретенную им зрительную трубу —

телесяк, астрономы и астрофизики получили массу новых, несравненно более совершенных инструментов для своих исследований. Они располагают идеальными оптическими инструментами для визуального наблюдения неба. Однако теперь они используют эти же инструменты как астромагнитными средствами. Глаза астронома перед окуларом телескопа заменили приборы. Если прежде яркость звезд определялась «на глаз», то теперь целый комплекс фотоэлектрических приборов делает это несравненно точнее. Энергию, излучаемую на Землю небесными телами, — казалось бы, столь незначительную, что уловить ее нет никакой возможности, — принимают термоэлементы, установленные в мощных рефракторах, чувствительные устройства, способные уловить тепло свечи, горящей на расстоянии трехсот километров. Это кажется совершенно невероятным!

Какими же проблемами занятые учеными обсерватории? Проблемам множеством...

В отделе физики Солнца, которым руководит директор обсерватории профессор Андрей Борисович Северный, член-корреспондент Академии наук СССР, нам показывают башенный телескоп, предназначенный для исследования Солнца. Под куполом высокого сооружения стоит рефрактор. Они бросают солнечный «зайчик» в шахту, на самое дно башни. И там спектрофотографы разделяют луч на спектр и фотографируют его. Делают они это настолько тонко, что специалисты могут определить химический состав поверхности Солнца и склонного пространства, исследовать процессы, протекающие в

данний момент на этой звезде. Удалось установить множество интересных вещей: например, что межпланетное пространство заполнено ионизированным газом — плазмой, но значительно плотнее, чем на Солнце. Солнце, как бы это странно звучит, имеет плазменное пространство, и частицы ее уходят даже за пределы солнечной системы.

Кроме того, выяснило, что во время вспышек от Солнца уходит не только плазма, но и магнитное поле. Какова плотность, температура, скорость движения газа? Каково магнитное поле Солнца и межпланетного пространства? Почему одинаковые по силе вспышки иногда оказываются заметнее влияния на Землю, а иногда нет? Какие закономерности существуют между вспышками и состоянием его активности? Каким законам подчиняются магнитные поля космического пространства? Ведь все эти процессы так или иначе влияют на изменение магнитного поля Земли, а следовательно, на радиосвязь, на погоду и т. д.

И на эти вопросы стремятся дать ответ учеными Крымской обсерватории.

Какими же методами решают астрофизики столь разнообразные сложные проблемы?

Один из основных методов — спектроскопия. Научный сотрудник отдела физики Солнца Верх Лазурка Хендерсон, наша гид на солнечном телескопе, показала несколько пластинок, на которых снят спектр: негатив с рядами световых и темных полосок, абсолютно ничего не говорящих о неспециализированном человеку. Но всегда сразу удается расшифровать их и специалисту. Многолетний, кропотливый труд вкладывают ученые в расшифровку этих пластинок. Последние годы на помощь им пришла радиоэлектро-

ника. Это особенно важно, когда ученые имеют дело со слабыми объектами, с далекими звездами.

Как не похожа теперешняя астрофизика на ту, какой она была сравнительно не так давно! Какие колоссальные возможности таят в себе радиотелескопы! Сколько новых планетологических открытий принесли нам спутники и автоматические станции, которые исследуют межпланетное пространство не только около Земли, но и вокруг Луны и далее, на миллионы километров в космос! Недавно то время, когда вслед за первым в истории советским космонавтом Юрием Гагарином к другим планетам и звездам устремился человек. Он будет исследовать иные миры та же достоверно, как и собственную планету.

Вслед за космонавтом на Луну, а затем и на другие планеты отправятся астрономы. Они построят инопланетные обсерватории. Установят телескопы. И примутся за свою кропотливую работу.

Но пока это будущее, а мы, о которых можно говорить, как о мечте. И астрофизикам приходится совершенствовать методы исследования Вселенной с Земли.

Уже сейчас с помощью телескопов человек проникает в мировое пространство на расстояния, исчисляемые сотнями миллионов световых лет. Трудно рассчитывать на то, что человек сам когда-либо доберется до столь отдаленных уголков Вселенной. Ведь даже если он и будет лететь с околосветовой скоростью и время его жизни (по теории Эйнштейна) необычайно растянется, то сведения, которые получит человечество, все равно окажутся устаревшими. Космонавт вернется

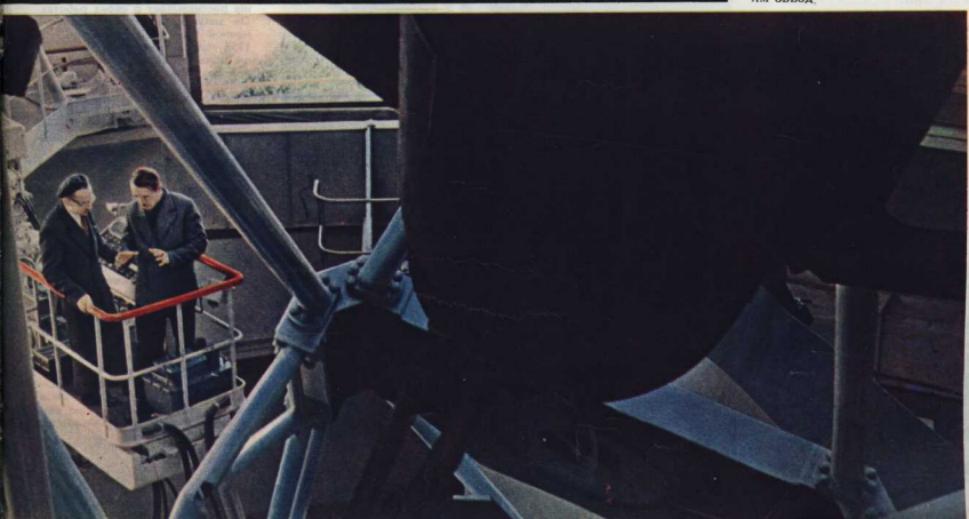
БЕЛЫЕ СПУСКАЮТСЯ К ГОРЯЧЕМУ И ВЛЕДНЕЮЩЕМУ С НЕБОСКОПА. ПРОФЕССОР КОЗЫРЕВ СПЕШИТ СДЕЛАТЬ ПОСЛЕДНИЕ СНИМКИ ЕМУ ПОМОГАЕТ МОЛОДОЙ ЧЕХОСЛОВАКИЙ УЧЕНЫЙ ЕЗЕФ ТРОМКО.

ОГРОМНОЕ СЧАСТЬЕ ДЛЯ АСТРОНОМА РАБОТАТЬ С ТАКИМ ПРИБОРОМ. НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ИМЕНЕЮТ ПОЛЬЗУ И РОЛЬ ГЕРНИБЕРГ ГОТОВЯТСЯ К НАБЛЮДЕНИЮ ЗВЕЗД

К ЗВЕЗДАМ...

В. САЖИН

ФОТО
В. ТЮККЕЛЯ

на Землю, когда сменяется не только несколько поколений, но даже эпохи. Конечно, и тому времени методы и способы астрономических исследований изменятся кардинальным образом.

В Крымской астрофизической обсерватории мы видели прибор, который однокако проводит в восхищении и его создателей, и ученых, которые будут на нем работать, и людей непосвященных, вроде нас. Это изумительное и уникальное сооружение — зеркальный телескоп на обсерватории ЭТШ, что означает зеркальный телескоп имени академика Шайна. Диаметр его зеркала — 2,6 метра. Это самый крупный и самый совершенный телескоп в Европе и третий по величине в мире. Однако на нем уже сейчас удалось получить фотографии самых слабых звезд, которые были сняты крупнейшим в мире американским телескопом в обсерватории Маунт-Паломар.

Чем круче зеркало телескопа, тем больше он способен схватить, идущее от небесных тел, тем ярче изображение даже самых слабых, далеких светил. Профессор Северный приводит такой пример: если представить себе расстояние от Москвы до Владивостока как прямую линию в безвоздушном пространстве, то ЭТШ сможет уловить на таком отдалении свет зажженной спички.

До последнего времени советские астрономы располагали лишь телескопами с диаметром зеркала до 1,2 метра. Понятно, что это ограничивало программу астрономических и астрофизических

исследований. Советское правительство поставило перед наукой и промышленностью задачу: создать мощный астрономический инструмент. Такой инструмент был построен за четыре года. Кстати, здесь уместно вспомнить, что паломарский телескоп строился около двадцати лет.

С создание ЭТШ — этого прекрасного произведения инженерного искусства и научной мысли — участвовали специалисты около сорока заводов, институтов и монтажных организаций. Но основную работу выполнил Ленинградский оптико-механический завод. Именно там было изготовлено зеркало. Всего же потребовалось пять лет. Точность же изготовления математически скрупулезной параболической формы зеркала определяется сотыми долями микрометра! Между тем отполировали эту форму в рекордно короткий срок — за полгода.

Подвижная часть телескопа весит шестьдесят две тонны, — рассказывает Николай Владимирович Стешенко, молодой учений, заместитель директора обсерватории по научной части. — Однако ее можно поворачивать рукой, достаточно точно и тонко исполнен механизм.

Однако настраивать вручную не придется, — продолжает он. — Сто шестьдесят электрических машин, покинув счетно-решающим устройством, преобразователями координат и следящей системе, нацелят телескоп и повернут его вслед за движением звезды по небосклону. Тем, кто занимается фотографией, известно, что с выдержкой снимать можно лишь неподвижные предметы. Для того, чтобы сфотографировать звезду или туманность, необходимо

дима выдержка, нередко делящаяся часами. Легко представить себе, с какой точностью должен следить телескоп за небом, постоянно держа «в прицеле» объект, который может отклониться от его движения по небосклону. Это важно не только для фотографирования, но и для спектрального анализа изображения и для фотометрии.

С помощью нового телескопа ученые рассчитывают приступить к исследованию процессов, протекающих в наиболее отдаленных частях Вселенной. Мы значительно расширим свои знания и о наших старых знакомых — планетах солнечной системы. Новый телескоп позволит детально изучить физические условия на поверхности планет.

И, наконец, если за полетом космических кораблей мы до сих пор могли следить только по радио или по настриевому облаку — искусственной комете, — выпущенному ракетой на определенном расстоянии от Земли, то теперь мы сможем проковать взглядел телескопа космические корабли на миллионы километров.

СОЛНЧЕЧНЫЙ ТЕЛЕСКОП ВЫПЫДАЕТ НЕСКОЛЬКО НЕПРИЧУНО. ЛАВОРАНТЫ АРТУР БАБИН И ПАВЕЛ СЕЛИВАНОВ ЛОВЯТ ЗЕРКАЛА, ВЪЕЗДЯЩИЕ В МАССИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, И УСТАНОВЛЯЮТ ЕГО НА САМОЕ ДНО ВЫСОКОЙ ВАШНИ ДЛЯ СПЕКТРОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Над горами спускаются сумерки, и обсерватория оживает. Купола башен, неподвижные в течение дня, раскрываются, разворачиваются и наводят свои миролюбивые орудия на небо. Оно чистое, ясное. Одна за другую загораются звезды, будто небо тоже готовится к наблюденiem.

А на западе еще светло. Яркая звездочка Венеры последний раз

засверкала над горизонтом манимая блеском и через минуту — другую исчезнет. Профессор Козырев заканчивает на сегодня свою наблюдения за платформой, которая волеет сейчас лицом людей больше других. С запуском в сторону Венеры советской космической лаборатории эта платформа стала к нам явно ближе.

Мы, привнес в затменинной башне, терпеливо ждем, когда Козырев окончательно уйдет. Козырев вместе отправляется по почной обсерватории. Ярко светят Луна. Ох, как они некстати сейчас, как же проклиняют наблюдатели!.. И как они там не менее мечтают забраться на нее: ведь там чистое, безатмосферное небо с таким яркими звездами, крупными звездами!..

Николай Александрович не спеша рассказывает о своих работах. Он занят исследованием спектра яркой стороны Венеры. В 1953 году он впервые изучил ее спектр, он облучил ее зонтом. Однако полностью расшифровать спектр, полученный тогда, удалось лишь в прошлом году. Англичанин П. Уэрнер нашел в нем присущество ионосферного кислорода. Значит, жизнь, пустяк даже в примитивных формах, на Венере должна быть.

Сейчас профессора Козырева волнует причина свечения ночного неба Венеры. Какова его природа?

Ионосферное свечение известно и на Земле в виде полярных сияний, но на Венере оно в стиле раритет.

Пока рано говорить о моментах, — становится профессор. — Надо еще проверить.

— Какие же существуют объяснения этого явления?

— Разные... Думают, например, что это грозы, электрические разряды. В прошлом веке один учёный считал, что это лесные пожары. Другой его современник, — добавляет в шутку профессор, — уверял, будто это не что иное, как иллюминация по случаю вечной продолжавшейся венерианских торжеств...

БАШНЯ ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛЬНОГО ТЕЛЕСКОПА ВНУТРИ ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЕТ КОРПУС, И ПОТОМУ ЧТО ВНЕШНЯЯ СЛОЖНОСТЬ КОПИРУЕТСЯ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ЛЮДЕЙ. В ТЕЛЕСКОПАХ ЛЕОНID МАМЕЕВ, ВОСПИТАННИКЕМ БАЛТИЙского флота, тот, он получил специальность электрика. Теперь же Леонид легко управляет сложнейшим астрономическим техником, закончившим в этом году среднюю школу. Он мечтает поступить в инженерный институт, где привлекают новые науки — автоматика и телемеханика.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА МЕНЬШИХ

ВОСЬМОЙ ТУР:

(Диаграмма № 1)

Не найдите ли вы красивую комбинацию, которая привела черных к победе?

№ 1

Судя по прошлым нашим шахматным олимпиадам, раздел, связанный с комбинационным творчеством, был одним из самых интересных. Хочется надеяться, что эта традиция сохранится и в этом году. Восьмой тур нашей восьмой тур которой мы посвящаем шахматным комбинациям.

Комбинации в шахматах — это последовательная серия ходов, связанных с тактическими задачами, тонкими маневрами или эффектной мертвотой ведущей к определенным целям. Красивые комбинации рождают шахматы с искусством, с художественными качествами, доставляют миллионам любителей этой древней и мудрой игры новые эстетические впечатления. Но случайно на больших шахматных турнирах или на турнирах по спортивным победам, устанавливается такие специальные призы, как «красивые партии».

Ловушка — это хитроумная, замаскированная комбинация, рассчитанная на ошибочные действия соперника. Восьмой тур содержит десять позиций комбинационного плана. За правильный разбор каждой из них, приведенных в тексте, жюри олимпиады зачисляется в заслуги. Правила проведения восьмого тура олимпиады следуют высыпать в редакцию не позднее 15 августа нынешнего года.

№ 1. В одном из турниров, приведенных на диаграмме № 1, сыгралась яркая комбинационная партия. После 32-го хода белых положение выглядело так:

№ 2

№ 2. Известный юношеский мастер И. Каналь в одном из сеансов одновременной игры предложил партию № 2.

Белые: Король f3, Ферзь h1, Седз. С4, К4, пп. а3, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.
Черные: Типичный пешечный ферзь, Король h8, Ферзь f6, Ладья g8, Сын g7, Князь h7, пп. a7, b7, с7, d7, e7, f7, g7, h7.

Черные только что сделали ход сенсар напал пешкой на слона противника, заставив его отступить. Быстро «канал», в который партнер немедленно попал.

В чем заключалась ловушка белых?

№ 3. Необычайно красивая комбинация завершила борьбу в следующей позиции:

(Диаграмма № 2)

Ход белых. Как они выиграли?

№ 4. Белые: Король h1, Ферзь f4, пп. a4, Сын g5, пп. b2, Черные: Король h8, Ферзь f6, Ладья g8, Сын g7, Князь h7, пп. a7, b7, d6, e7, f7, h7.

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

ПУНЕДАЦЫ

Трудовых побед народа
Нам, друзья, не перечесть,
Но в семье не без урода —
Тунедацы тоже есть:
Мастера и мастерицы
Темных дел и темных мест,
О которых говорится:
«Не работает, а ест!»

Лева может у гостиницы
Лиц и ноги пропадать,
Историонам за гостинец
Совесть от головы пропадать.
А занята постовою,
Быстро прячется в подъезд,
Так живет на свете Лева —
Не работает, а ест.

Не погна работать Геля
После школы на завод.
Мама с папой сказали:
«Пусть ребенок отдохнет!»
А бездельничает Галине
Никогда не надеют:
Ездит в машине машине,
Не работает, а ест.

КОМБИНАЦИИ И ЛОВУШКИ

Белые — Король h1, Ферзь f1, Ладья g1, Сын d2, Князь c4, пп. a2, b2, d4, f2, g2, h2.
Черные — Король f8, Ферзь b5, Ладья g8, Сын c4, пп. a7, b7, e6, f2, h2.

№ 5. В остром положении, которое изображено на диаграмме, ходят черные. Есть ли какое-нибудь средство радиальной защиты партнера?

(Диаграмма № 4)

№ 4

К такому положению привели одна из партий заслуженного мастера спорта Р. Романовского, игравшего против него.

Канальная комбинация он форсировал победу!

№ 5. Посмотрите на диаграмму:

(Диаграмма № 5)

Ход черных. Все согласятся с тем, что положение было бы безнадежным у черных, если бы подавляющий материальный перевес. Но мастер Ю. Каналь, выиграв партию, сделал пару «очевидных» ходов и удивился сидевшим за доской черным, которые просчитывали каждую забавную ловушку

№ 5. Какое комбинационное продолжение положения № 5 поможет белым спасти партию?

№ 6. В одной из турнирных партий покойного советского гроссмейстера Г. Левенфиша, сыгранной черными, оказалась в трудном положении:

Белые — Король f4, Ферзь h1, Сын k4, пп. d4, f2, g2, h2.
Черные — Король g8, Ферзь f6, Ладья g5, Сын c8, пп. a4, c4, f6, g7, h7.

Но ему повезло: противник сделал «естественный» ход и... позволил Г. Левенфишу провести интересную комбинацию.

Найдите окончание этой партии.

№ 9. Первое знамество с этой комбинацией говорит о том, что у белых не хватает двух пешек при отсутствии двух пешек при отсутствии белой угрозы черному королю.

(Диаграмма № 5)

На углу задорный дядя
Обратился с просьбой к нам:

«Помогите, Христа ради,
Не хватает на стоя грамм.
Не на хлеб прошу — на водку,
Погибло, вот те крест!»

Выход просить короткий:
Не работает, а ест!

На базаре за прилавком
Подорвал цыпленок Демид.
А для виду взял он справку,
Что в колхозе состоит.
Только скоро по Указу
Он оставил свой «частес».
Разберутся суды сразу:
Не работает, а ест!

Те, кто космос покоряют,
Те, кто пишут целину,
Дармоедам обзывают
Беспощадную войну.
С одобрением в народе
Новый признак Указ:
Кто не трудится сегодня,
Тем не место среди нас!

№ 6

Поклонение кажется безнадежным. Но белые играли очень на ходячий шахматист. Ему удалось спастись, поменяв неожиданную комбинацию.

Как это случилось?

№ 10. А вот в такой позиции предвещала успех белые.

Белые — Король f4, Ферзь h1, Сын k4, пп. d4, f2, g2, h2.

Черные — Король g8, Ферзь f6, Ладья g5, Сын c8, пп. a4, c4, f6, g7, h7.

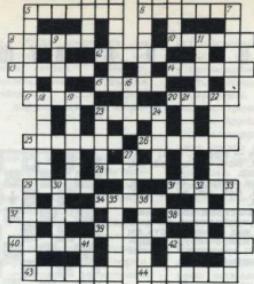
На первый взгляд дела черных плохи, так как у них хватает пешек, но и неизбежно теряется ферзь. Но игравший черными литовский мастер И. Вистенас, зная эту комбинацию, форсировал ничью.

Сможет ли найти эту комбинацию читатель?

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА.

КРОССВОРД

«ИСКУССТВО»

Составил С. КРАЮХИН (г. Самарканд)

По горизонтали:

5. Жанр фортепианной музыки, созданный Ф. Шопеном. 6. Песни и игры народных сказок и народных комедий. 8. Быстрый темп в музыке. 10. Тип музыкального произведения, имеемого которого называли драматический театр в Киеве. 12. Автор пьесы «Учитель усадебного аристократического розыгрыша». 13. Автор, называемый Велинским «отцом русской оперы», писавший оперы на народные темы и народные песни. 15. Чешский композитор, ученик Дворжака. 17. Автор романа «Мария Борисова» и поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 20. Народный артист СССР, создатель образа Ивана Грозного в спектакле «Иван Грозный». 21. Первый солист Большого театра. 23. Стремительный танец. 25. Писатель, автор романов о жизни и труде изобретателей в XIX веке в России. 26. Французский драматург и писатель, автор пьес «На дне», «Фауст», музыкальной комедии «Любовь к жизни», подлинного характера. 37. Автор поэмы «Русь Советская». 38. Одна из старейших артисток Малого театра. 39. Струнный инструмент, родом из Средней Азии. 40. Советский пианист венгерской национальной школы. 42. Создатель одной из национальных советских школ фортепианной игры. 44. Русская пианистка и педагог.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАЛЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

4. Журналист. 7. София. 8. Буссола. 9. Борискин. 14. Чубышев. 17. Гамалья. 18. Задорожный. 20. Лавреншин. 21. Коновалов. 23. Соколов. 25. Лепихин. 26. Сеченов. 29. Зелинский. 30. Борислав. 31. Воейков. 32. Коновалов.

По вертикали:

1. Кучеряк. 2. Введенский. 3. Милюкин. 5. Голицын. 6. Ферман. 10. Машнев. 11. Нередилько. 12. Бахметьев. 13. Несмекин. 15. Вавилов. 16. Капаров. 21. Ломоносов. 22. Федоров. 24. Бенетос. 27. Шевцов. 28. Прогорлов.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, 5-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммуникатор — Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-51-25; для телеграфии и ксерокопий — доб. 3-35-04; для публицистики — доб. 3-52; для международной жизни — доб. 3-21; для физкультуры и спорта — доб. 2-57; для информации о труде — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

— ГДЕ ЖЕ МЯЧ?

ШУТКИ-МАЛОТКИ

Красиво расписываться она научилась в загсах.
К. ФЕРДМАН (Свердловск)

Жена: Ты куда?
Муж: Схожу в лес, по грибам.
Жена: У нас мисо начинилось. Убей там заодно медведя...

В. ИВАНОВ (г. Осташков)

Учителя: Вадим, почему ты являешься в класс с грязными ушами? Но у меня нет других ушей.
В. БЕЛЯКОВ (г. Астрахань)

Рисунки В. НЕДОГОНОВА по темам читателей В. ДЮЖЕВА и В. ЗАГОСКИНА.

— НАШЕЛИ!
Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Первая страница обложки. Гали Мальцева сама еще со временем работы в детском саду стала учителем в среднюю школу. Гали стала строителем. Теперь она участвует в строительстве международного пионерского лагеря «Артек» на крымском берегу Черного моря.

Фото В. ТЮККЕЛА.

Четвертая страница обложки. Одесский порт.

Фото Д. ШОЛОМОВИЧА.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Рузуминов [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

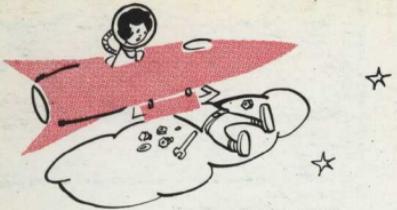
Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова

Технический редактор Н. Будкина.

А 01292. Подписано к печати 3/VII 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1181.
Заказ № 1307. Формат бумаги 70×108½.
2 б. л.—5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

АВАРИЯ В ПУТИ
Рисунок Р. Овивяна.

ЦЕРЕМОНИЯ ОТКРЫТИЯ Рисунок В. Трофимова и В. Лозовского.

— ТЕПЕРЬ СОЛНЦА БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.
Рисунок Б. Чупрыгина.

СЛУЧАЙ С ДИРЕКТОРОМ
ЗАВОДА ДЫМОУЛОВИТЕ-
ЛЕЙ.

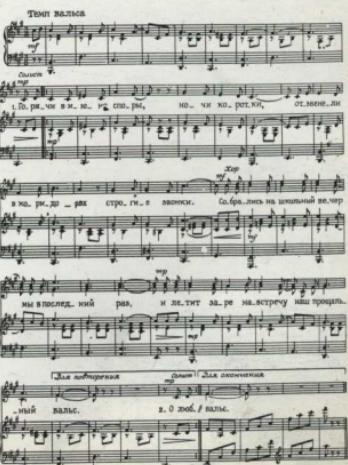
*Промысловий
барб*

Горячи в июне споры, ночи коротки,
Отзвенели в коридорах строгие звонки.
Собрались на школьный вечер мы в последний раз,
И лептят заре навстречу наш прощальный вальс.

О любви не говорили, просто жили в лад,
Просто крепко мы дружили десять лет подряд.
Пусть, навек не покидая, окрыляет нас
Наша дружба молодая, наш прозытельный вальс.

Мы со школьного порога в дальний путь шагнем,
Трудных дел на свете много, мы свое найдем.
Нам и весело и грустно в этот светлый час.
Вот уже погасли лusterы и не слышен вальс.

До свиданья, до свиданья, друг хороший мой.
Где-нибудь на стройке дальней встретимся с тобой,
Вспомним юность золотую и десятый класс
И опять вдвоем станцуем наш прощальный вальс.

Цена номера 20 коп.